

Государственный комитет РСФСР по делам науки и высшей школы

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В ВОСПОМИНАНИЯХ

СОВРЕМЕННИКОВ

Выпуск I

Издательство Томского университета Пермское отделение 1991

ББК 4484(2)711.9

П27

Составитель А. С. Стабровский

Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I. / Сост. А. С. Стабровский. – Пермь, Изд-во ТГУ Перм. отд-ние, 1991. —92 с.

IS BN 5—230—09288—2

Это очерки-раздумья выпускников Пермского университета разных лет о его становлении, создателях, традициях, развитии.

Фотографии из фондов музея истории университета.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского университета

~~430200000—5~~

© Издательство Томского университета.

177(021)—91 Без объявл.

Пермское отд-ние. 1991

ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ И В НАС

Музей истории Пермского университета, его фонды богаты материалами, отражающими исторические события текущего столетия, так или иначе связанные с «жизнедеятельностью» старейшего на Урале вуза.

Однако не все музейные ценности экспонируются, многое, как говорится, остается за кадром. В частности, музей располагает фонотекой записей бесед и воспоминаний, рукописями воспоминаний разных лет, бережно хранимыми сотрудниками музея. Поэтому идея подобного издания вынашивалась давно, а в связи с 75-летием университета нам кажется необходимым познакомить читателей с этими музейными реликвиями.

Здесь и страницы о первых днях рождения университета, его становлении, жизни и деятельности старшего поколения. Мы узнаем в студентах прошлого ныне маститых ученых, а в преподавателях тех лет — известных авторов учебников и монографий. Жанрово-бытовые подробности помогают зримо воссоздать картину жизни поколений, надолго остаются в памяти. Тем более что жизнь каждого ученого, студента, работника вуза — это отражение эпохи, веха в истории вуза.

Предложенные вашему вниманию воспоминания не равноценны—многие составлены на основе записанных бесед, т. е. это литературная обработка с сохранением живого, неповторимого «голоса» автора.

Мы очень признательны тем, кто специально для этого сборника поделился воспоминаниями, среди них С. Я. Фрадкина, чье эссе об А. И. Букиреве очень дорого нам, так же, как и воспоминания М. А. Генкель.

Мария Александровна Генкель – друг и покровитель, более того, вдохновитель создания музея истории университета, ей в значительной степени мы обязаны и выходом этого сборника как автору идеи.

Серию «Пермский университет в воспоминаниях современников» планируется продолжить, и мы приглашаем всех желающих принять участие в подготовке следующего издания.

Итак, откроем первый лист, погрузимся в чтение истории, истории первого на Урале вуза. Пусть оживут в Вашей памяти и первые дни университета, и гражданская война, и бурные двадцатые. Вы ощутите холодную строгость тридцатых и мужество военных лет... Листая страницы истории университета, Вы, быть может, проникнетесь духом времени, ощутите его дыхание и поймете, что история продолжается и в Вас.

А. С. Стабровский,
директор музея истории
университета

М. А. Генкель
Я БЛАГОДАРНА СВОИМ УЧИТЕЛЯМ

Мои сестры-близнецы, Ольга и Нина Генкель, в 1920 г. в 15 лет стали вольнослушательницами ФОН'а (факультета общественных наук Пермского университета). Вскоре они без экзаменов были зачислены в студенты. Им довелось слушать замечательные лекции по введению в языкознание молодого профессора Леонида Арсеньевича Булаховского, впоследствии академик.

М. А. Генкель (1931)

Глубокие, серьезные лекции по исторической грамматике русского языка читал профессор Сергей Петрович Обнорский, впоследствии академик.

В эти же годы начал работать на факультете и профессор Василий Васильевич Гиппиус. Студенты были увлечены лекциями Гиппиуса по истории зарубежной литературы, особенно его лекциями о немецком романтизме (Тик, Новалис). Самого Гиппиуса они страшно боялись. Он, человек очень застенчивый, тогда носил маску сурового, недоступного преподавателя, потому что сам боялся студентов. Василий Васильевич работал прежде в средней школе и в вузе чувствовал себя неуверенно. Пять лет спустя он был уже совершенно другим: простым и доступным в общении со студентами.

Приват-доцент Борис Аполлонович Кржевский вел у них занятия по испанскому языку. Это был педагог-артист. Он так выразительно читал им сцены из «Дон Кихота» по-испански, что они, не понимая ни единого слова, хохотали до упаду.

Я, живя с сестрами в одной комнате, каждый вечер слушала их чтение вслух Сервантеса, Рабле и искренне удивлялась, какой «ерунде» учат в университете...

В 1921 г. в университет «влили» ПИНО (педагогический институт народного образования). Не имея своей материальной базы, своих кадров, пединститут был вынужден соединиться с университетом. Студенты ПИНО резко отличались от интеллигентных студентов ФОН'а. Они прошли через раб-фак и внесли демократическую струю на факультет, который был преобразован из ФОН'а в педфак с отделениями: физико-математическое, естественно-географическое, лингвистическое, общественно-экономическое, соцвоса (социального воспитания).

Факультет возглавлял Петр Афанасьевич Будрин, бывший старый большевик, позднее коммунист Соколов. На факультете существовали не кафедры, а предметные комиссии, объединявшие преподавателей одной специальности, а них входили и представители студенчества, комсомольцы.

В 1926 г. мы, будущие филологи, как это ни странно, сдавали следующие приемные экзамены: физика (устно), математика (письменно), сочинение и литература (устно).

Я с грехом пополам сдала экзамен по физике, бездарно решила задачи по математике и, вероятно, не была бы принята, если бы не заступничество В. В. Гиппиуса, который горячо защищал меня на заседании приемной комиссии. Он доказывал, что математика мне в ближайшие годы не понадобится, что я отлично сдала экзамен по литературе и написала хорошее сочинение.

Математика мне потребовалась только в 70-х гг., когда я занялась вопросами статистики речи и издала в 1972 г. свой «Частотный словарь романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Дальше последовали такие странные события.

Нам преподавали экономическую географию, которую блестяще читал профессор Вадим Александрович Кондаков, эволюционную теорию, которую вел проф. Александр Александрович Любищев, Лекции Любищева мы слушали на Заимке, а все остальные занятия шли в Земском доме, ныне главном корпусе пединститута на улице К. Маркса. А. А. Любищев читал интересно, но у него была ужасная дикция и многое поэтому не воспринималось.

Известный в Перми художник Алексей Нестерович Зеленин преподавал черчение. Это был очень спокойный, выдержанный человек; он делал вид, что не замечает, что домашние работы нам чертят друзья-математики.

Милейший Михаил Витольдович Битовт читал нам «Введение в машиноведение». Мягкий, тихий, скромный человек, он деликатно выслушивал наши бредовые ответы на экзамене и ставил в зачетках «зачтено». Оценки нам в то время не выставлялись. Единственный

положительный результат от этой дисциплины был в том, что одна наша сокурсница вышла замуж за Битовта.

Политические предметы для всех отделений педфака и студентов-медиков вел преподаватель Вернеев.

Лекции по диалектическому материализму с блеском читал нам на IV курсе Борис Никандрович Назаровский.

Русскую историю вел проф. Александр Антонович Савич. Следуя концепции историка Покровского, он добросовестно излагал нам вопросы становления сначала торгового, а потом и промышленного капитала. Читал очень эмоционально, энергично жестикулируя.

Общими для всех отделений педфака, были интересные лекции по

психологии проф. Анатолия Ивановича Сырцова и менее интересные — проф. Николая Александровича Коновалова по педологии. Практические занятия по педологии, на которых мы с помощью тестов определяли умственные способности детей, вела преподаватель Александра Ивановна Темникова.

Врач Сретенский читал нам «Введение в медицину».

Такая многопредметность, с одной стороны, отвлекала от изучения специальных дисциплин, а с другой—давала общее развитие, расширяла кругозор.

В 20-е гг. на педфаке несомненно самой крупной и яркой фигурой был проф. В. В. Гиппиус. С 1922 г, он возглавляет предметную комиссию по вопросам русской литературы и русского языка. С этого момента научная работа лингвистического отделения педфака уже не ограничивается только изучением литературы и диалектов местного края и методики, а ведется на широкой филологической основе. Начинают разрабатываться общетеоретические проблемы литературоведения и лингвистики, что находит выражение в работах В. В. Гиппиуса, П. Г. Стрелкова и др.

В. В. Гиппиус по приезде в Пермь обращается к углубленному изучению творчества Н. В. Гоголя, его литературного общения с А. С. Пушкиным. Творчество Гоголя стало центральной темой его научных исследований, на основе которых состоялись научные комментарии к академическому изданию сочинений писателя¹.

По мнению современных литературоведов, эту монографию В. В. Гиппиуса «...по ее фактической полноте и богатству привлеченного можно рассматривать как итог всего ценного, что было накоплено дореволюционной наукой в области изучения творчества Гоголя»¹. В. В. Гиппиусом отредактированы первые два тома академического издания сочинений Н. В. Гоголя и написана вступительная статья к этому изданию.

В Перми Гиппиус начал работать над творчеством Некрасова. Работа «Некрасов Н. А. в истории русской поэзии» была опубликована в 1946 г. и оценивается современными учеными как «...замечательное (никем не превзойденное и поныне) исследование»².

Впоследствии, уже находясь в Ленинграде, В. В. Гиппиус создает ряд солидных работ об И. С. Тургеневе, Н. Г. Помяловском, Н. Г. Чернышевском, под его редакцией и со вступительной статьей вышли сочинения Ф. И. Тютчева.

В пермский период своей деятельности В. В. Гиппиус был автором ряда оригинальных и глубоких исследований о творчестве М. Е. Салтыкова-

---

¹ Войтоловская Э. Л. Степанов А. И. Н. В. Гоголь - Семинарий Л.- Уч-педгиз. 1962. С. 59.

² Прийма Ф. Новая книга о творчестве Некрасова // Русская литература. 1965, №4, С. 196.

Щедрина³.

Для всех литературоведческих работ Гиппиуса характерен интерес к эстетическому сознанию писателя, анализу формы и литературной среды.

Во время пребывания в Перми В. В. Гиппиус отдает дань и краеведческой теме. Ему принадлежит интересная статья «О некоторых писателях, связанных с Пермским краем». Она представляет собою несомненную ценность как опыт сводки данных о деятелях литературы XVIII-XIX вв., так или иначе связанных с Пермским краем. В. В. Гиппиус вводит в научный обиход имена ранее неизвестных широкому читателю и незаслуженно забытых писателей: С. А. Порошина, В. С. Варакина, Е. Д. Вердеровского, Ф. Павлова, И. Евронеуса и др.⁴

Для Гиппиуса была характерна необыкновенная разносторонность интересов. Он был поэтом, талантливым переводчиком Горация, Мольера, Гейне, Р. Тагора, Новалиса. В. В. Гиппиус является автором «Грамматики русского языка», неоднократно переиздававшегося (начиная с 1922 г.) «Синтаксиса русского языка», ряда методических статей. Итог своей многолетней научной деятельности он подвел книгой «От Пушкина до Блока».

Большой эрудит, знаток ряда языков, человек, глубоко знающий и тонко чувствующий литературу, В. В. Гиппиус покорял слушателей своими блестящими лекциями и серьезно поставленными семинарами. Несомненно, под его влиянием стали научными работниками его пермские ученики: литературоведы Л. С. Шептаев, М. Н. Ожегова, Г. И. Бомштейн, И. А. Дергачев.

Историю русской литературы для историков читал наш ректор доцент Степан Антонович Стойчев.

Лекции его были насыщены фактами, весьма эмоциональны, но уступали по глубине содержания лекциям В. В. Гиппиуса.

К сожалению, обстановка на факультете не благоприятствовала деятельности проф. В. В. Гиппиуса.

В одной из своих статей известный литературовед вульгарно-социологического направления Переверзев высказался в адрес Гиппиуса так; «Гиппиус толчет Гоголя в ступе формалистического метода».

Это высказывание было взято на вооружение группой преподавателей (Ф. М. Хотенко, Н. Е. Бочкарев и др.), которые обвиняли Гиппиуса в формализме и организовали против него коалицию. Встал вопрос о пребывании Гиппиуса на факультете.

Помню, как однажды мой брат, П. А. Генкель (это было, видимо, в 1928 г.), сказал мне: «Сегодня идем на большой совет спасти твоего

---

³ Гиппиус В. В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при ПГУ. Пермь, 1927. Вып. 2; *Его же*. М. Е. Салтыков и реакция начала 80-х годов (по неизданным материалам) // Там же. 1929. Вып. 3; *Его же*. М. Е. Салтыков-сотрудник «Искры» // Учен. зап. ПГУ. Обществ.науки. 1929. Вып. 1,

⁴ Пермский краеведческий сборник, Пермь, 1926. № 2.

Гиппиуса». Гиппиус должен был проходить по конкурсу и прошел лишь благодаря голосам биологов и математиков.

Однако в 1930 г. на предметной комиссии снопа встал вопрос о Гиппиусе.

Представитель студенчества комсомолец и наш однокурсник Михаил Векшин заявил, что формалистические лекции Гиппиуса не удовлетворяют студентов. Это мнение было решающим. Как мы ни возмущались поведением Векшина, но ничего изменить не могли. В. В. Гиппиус уехал в Томск, а затем в Ленинград.

Среди лингвистов-преподавателей выделялся доцент Павел Георгиевич Стрелков, которому я лично обязана тем, что избрала своей специальностью лингвистику. Под его влиянием лингвистами стали и его пермские ученики Д. И. Буторин, А. А. Горбунова, К. А. Гаинцева и др.

Доцент П. Г. Стрелков (работал в Перми с 1925 по 1931 г. и с 1947 по 1948 г.) также разрабатывает местную тему. Он публикует большую монографию «Синтаксис пермских сказок», принимает участие в диалектологических экспедициях.

Однако П. Г. Стрелков не ограничивается изучением диалектологии, он занимается вопросами исторической грамматики, современного русского языка, исследованием языка художественных произведений⁵. Статья «О языке духовных грамот великих московских князей XIV-XVI веков» была высоко оценена его учителем академиком А. А. Шахматовым и профессором С. П. Обнорским.

Будучи в Перми, П. Г. Стрелков принимает участие в составлении «Граматики русского языка», изданной АН СССР. Им написаны главы «Имя числительное», «Местоимение», «Глагол».

Исследовательский талант П. Г. Стрелкова особенно проявился в работах по стилистике художественной речи⁶. Академик В. В. Виноградов называл П. Г. Стрелкова «выдающимся советским лингвистом».

Содержательными, хотя скучноватыми, были лекции проф. Павла Степановича Богословского. Он вел у нас фольклор и древнерусскую литературу.

Более чем полувековая деятельность известного ученого-краеведа и литературоведа профессора П. С. Богословского, солидного специалиста в области фольклора и древнерусской литературы, связана с Уралом. П. С. Богословский изучал Урал как археолог (производил раскопки Пыскорского подземного хода), как этнограф, искусствовед и фольклорист. Им опубликовано свыше ста пятидесяти научных работ.

Значительный интерес представляют его исследования, посвященные

---

⁵ Стрелков П. Г. О степенях сравнения прилагательных в русском литературной языке // Учен. зап. ПГУ, Общественные науки. 1929. Вып. 1; Его же. К вопросу о фонеме // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при ПГУ. Пермь, 1929, Вып. 3.

⁶ О речевых стилях в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» // Известия АН СССР, отд-ние лит. и ял, 1951. Вып. 2.

выявлению связей между русской литературой и устным народным творчеством.

П. С. Богословским проведен и ряд историко-литературных изысканий. Так, им введены в научный обиход материалы, связанные с пребыванием А. Н. Радищева в ссылке, освещена деятельность сотрудницы «Современника» и «Отечественных записок» писательницы Л. Л. Кирпищиковой и ряда других местных писателей⁷.

Профессор П. С. Богословский с 1923 г. – бессменный председатель «Кружка по изучению Северного края», редактор четырех «Пермских краеведческих сборников», всех изданий Пермского научного музея (ныне краеведческого), директором которого он был в течение многих лет, изданий сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка и т. д. При его непосредственном участии «Кружком» публикуются сборники фольклорных записей В. Н. Серебренникова, тогда еще студента, в прошлом народного учителя, известного в научном мире под псевдонимом Аргентова⁸, статьи известного фольклориста Н. Е. Ончукова, работавшего в 20-х гг. на факультете в качестве ассистента⁹.

Лекции Николая Петровича Обнорского по истории античной литературы были замечательны по широте привлекаемого им историко-культурного материала. Он обращал наше внимание на вопросы скульптуры и архитектуры древней Греции и Рима, приносил нам огромное количество книг с соответствующими иллюстрациями.

Он и умер скорострительно на пути от дома до университета, таща, как обычно, сумки с книгами для своих студентов. Изумительный был человек! Простой, душевный, трудолюбивый, очень скромный. Мы, например, не знали в то время, что он был автором большого количества литературоведческих статей в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. И. П. Обнорский преподавал нам, небольшой группе лингвистов, и английский язык, дав нам весьма основательные знания. Его метод был: от сложного к простому. Он говорил: «Вы видите сначала лес, а уж потом отдельные деревья». Едва научившись читать и писать, мы начали читать романы Диккенса в подлиннике, затем перешли к Байрону.

Каждому студенту на отдельном листочке он писал английский текст в транскрипции, чтобы мы совершенствовали свое произношение.

Одна из |группы «англичан» Обнорского впоследствии стала преподавать

---

⁷ См.: *Богословский П. С.* Сибирские путевые записки Радищева, их историко-литературное и культурное значение // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. I; *Его же.* Из местных историко-литературных разысканий // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926, Вып. 2; *Его же.* «Песня об Усах» из сборника Кирши Данилова и «Камская вольница»: Опыт анализа и локализация текста // Пермский краеведческий сборник, Пермь, 1928. Вып. 4 и др.

⁸ Аргентов. Народные заговоры. Пермь, 1918; *Его же.* Загадки как народные развлечения. Пермь, 1918; *Его же.* Похоронные обычаи и причитания при умершем. Пермь 1918; *Его же.* Частушки крестьян Оханского уезда. Пермь, 1918

⁹ Ончуков И. Е. Масляница // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4 и др.

английский язык в школе.

Французский язык отлично преподавала Елена Александровна Кузнецова, были, конечно, на педфаке преподаватели, не оставившие в памяти никакого следа, а одно только впечатление серости и скуки. Это Ф. М. Хотенко, преподававший педагогику, это методист Н. Е. Бочкарев, это зарубежник Стеблёв. Примечателен тот факт, что во время торжественного акта нашего выпуска, когда произносились речи, высказывались пожелания и поздравления в наш адрес, мы заперлись в одной из аудиторий с Бочкаревым и заставили его продиктовать план работы словесника в школе.

Нас выпустили досрочно – 15 февраля 1930 г. Через 2 недели мы должны были разъехаться по школам, но не были вооружены знаниями ни по педагогике, ни методике русского языка. А ведь мы заканчивали отделение языка и литературы (лингвистическое было переименовано в отделение языка и литературы).

Я считаю, что обучение в течение 3,5 лет в Пермском университете дало мне очень много.

Тщательно готовя экзамен по истории русской литературы Гиппиусу (у нас было свободное посещение лекций, но мы не пропустили ни одной его лекции и старались изо всех сил), мы получили навыки анализа идейного содержания художественного произведения, анализа его языка и стиля. Познакомились с историей русского языка, частично практически усвоили языки: старославянский (Стрелков), английский (Обнорский), французский (Кузнецова), сербский (Лобов), были приобщены к политической истории нашего общества, к философии.

Я благодарна педфаку ПГУ за полученные знания и навыки, благодарна своим прекрасным учителям, давшим эти знания и навыки, на своем примере научившим нас работать.

П. П. Устюжанин В ДУШЕ ПЫЛАЛ ОГОНЬ СВОБОДЫ

Я был в числе студентов первого набора, поступив в 1916 г. на медицинское отделение физико-математического факультета, — «матрикул-66». Окончил в 1923 г. и до сих пор считаю себя студентом университета. Теперь я на пенсии. Работал я вначале в заводской амбулатории в Камышловле, потом ординатором в хирургической клинике профессора В. И. Парина. В апреле 1925 г. мне поручили организовать работу детского костно-туберкулезного санатория «Подснежник», а котором и проработал до 1964 г. главным врачом, в сущности почти всю жизнь.

Память сохранила не все, но некоторые моменты помнятся. Вспоминаю открытие университета. День выдался безоблачным, морозным, а вокруг всеобщее праздничное настроение. Это было знаменательное событие в

жизни нашего города.

На спектакле «Евгений Онегин», который был дан после торжественного собрания и на котором присутствовали все именитые гости, бедные студенты сгрудились на галерке, где им отвели место. Мы шумно выражали свое недовольство, пробовали петь. Туда даже приходил ректор (первым ректором был профессор-астроном, приехавший из Юрьевского университета, Константин Дормидонтович Покровский). Призывая к спокойствию, он говорил: «Товарищи, тише! Ведь там внизу ничего не слышно, ведь там губернатор, архирей... Давайте сегодня потише, а завтра я сам буду с вами петь».

А после спектакля толпа студентов, человек 300—400, вывалилась из театра, построилась рядами и пошла по Сибирской улице (ныне улица К. Маркса). Нас окружила полиция. Конные полицейские во главе с самим полицмейстером сопровождали нас. А мы несколько раз прошли от театра до дома губернатора и обратно, пели революционные и народные песни. Полиция нас не трогала. Не знаю, чем это объяснить, но, наверное, они боялись, что мы можем устроить беспорядки в городе. Мы ходили день и ночь по улицам, пели, а у дома губернатора устраивали целые представления.

Дошло до того, что полицейский, стоявший около дома губернатора, взмолился: «Господа студенты! Когда вы кончите, ведь губернатор третью ночь не спит!»

Так мы праздновали целую неделю. Азарт юности пылал огнем свободы, сердце переполнялось радостью от того, что у нас в Перми, провинциальном городишке, открыт свой университет. Университет! Но после этой недели наши вольности кончились.

Прекрасно помнится первая лекция, которую читал товарищ министра Шевяков. Она проходила в помещении Кирилло-Мефодиевского училища, отданного городом университету. Но учились мы немного — ведь шла первая мировая война. Почти все студенты были мобилизованы, остались учиться лишь медики, а затем февральская революция — тут уж совсем до занятий стало... студенты начали заниматься другими делами. Они разоружили пермскую полицию, образовалась милиция, в деятельности которой студенты принимали самое активное участие. И я в том числе — так месяца два дежурил на углу Слудской площади. Дали мне револьвер, который я кое-как таскал. Дежурили мы и на вокзалах...

Все это отразилось на нашей учебе. Учеба прекратилась. В 1918 г. началась гражданская война, и я выехал из Перми домой, жил я около Каменского завода.

Наступило тяжелое время; голод, разруха. Я работал и санитаром, и учителем, но удивительно, тогда никто на трудности не жаловался, так как считали, очевидно, что без этого не обойтись.

В сентябре 1920 г. я получил извещение о том, что должен явиться к 1 октября в Пермский университет для продолжения медицинского образования, причем, что я считаюсь мобилизованным для этого дела. Я

оказался мобилизованным в пятый раз... Как педагог я был мобилизован, потом как заведующий курсами, потом по организации сбора лекарственных трав и еще по чему-то был мобилизован... Но все эти мобилизации, оказывается, уже недействительны, и я приехал в Пермь продолжать свою учебу.

Но если было трудно в деревне работать, то учиться в тех условиях, которые тогда существовали, оказалось не легче, хотя наш медицинский факультет считался военным, у нас даже был тогда военный комиссар факультета. Нам несколько месяцев выдавали военный паек, а без него приходилось трудновато. Студенты сами зарабатывали себе на пропитание на разного рода работах, но в основном на пристанях. Причем созданы были особые артели, занимавшиеся разгрузкой барж и пароходов, а расплата производилась натурой, главным образом зерном. Это позволяло нам спастись от голода и давало возможность заниматься.

Жил я в общежитии по улице Ленина, теперь этого здания уже нет, оно было человек на 30—40. За общежитие мы не платили, но так как общежитие не отапливалось, мы вынуждены были ходить па Каму зимой выкалывать из льда бревна и тащить их на себе в общежитие. Одну зиму с 1920 на 1921 г. мы буквально жили и спали не раздеваясь. Да и в университете профессорам работать было трудно. Но я еще раз подчеркиваю, что тогда мы не жаловались на трудности, все кто что доставал — все шло в общий котел, даже табак (самосад). А когда мы были сытыми, мы начинали чувствовать себя хорошо. Учиться было интересно, так как состав профессуры был чрезвычайно сильным. Учились без учебников, поэтому было немало сложностей.

О преподавателях могу рассказать о многих, но кто из них лучше, трудно сказать. А. Г. Генкель читал нам ботанику. Теперь медикам ботанику не преподают. Считаюсь медицинским, т. е. естественным, отделением физико-математического факультета, мы занимались по курсу естественников. Генкель читал нам очень много. Он был удивительный человек. Это был тип студента, мы всегда чувствовали себя с ним как со студентом, товарищем. Он и в вечерах студенческих активно участвовал. Был Александр Германович и большим общественником. А лекции у него были удивительно увлекательными, оригинальными, полезными. Так, например, на экзамене по ботанике в билетах не было ни одного русского слова — чистая латынь. Перед университетом, где сейчас ботанический сад, было болото, по которому Генкель нас водил, читая свои лекции, находя всякие растения, формы и т. д. Мы любили всех профессоров, но Генкеля особенно,

Алексеев, о котором мало говорят, так как он вскоре умер, читал физику. Он был также оригинальным и интересным преподавателем. Так, в 1918 г. его заставили читать лекцию по химии перед солдатами Пермского гарнизона оперном театре. Это перед солдатами старших возрастов таких мужиков — борода лопатой... Если они в театре слушали оперу, то всегда приходилось из-за шиворота выгребать шелуху семечек, потому что они,

сидя на галерке, щелкали семечки и плевали прямо в зал. Так на этой лекции я был в качестве корреспондента.

Алексеев читал «Химию взрывчатых веществ». Явился он на сцену в одеянии алхимика со всякой мишурой, звездами и начал читать. И вот теперь не верится даже, что читал он больше двух часов без перерыва, и никаких семечек, никакого шума в зале не было. Потом Алексеев устроил на сцене массу опытов со взрывами, дымом... И эта лекция благодаря таким необычным условиям оказалась очень удачно. На его лекции ходили не только химики и медики, но и юристы, филологи.

Что вспомнить об однокурсниках... Накаряков — гинеколог. Чрезвычайно любил музыку, у него был хороший баритон... Когда он приходил, сразу же начинался или вокальный, или инструментальный концерт. Еще был Николай Степанов, хирург впоследствии, профессор. Они не только умели петь, играть, но и организовывать, Частенько на каком-нибудь концерте, неважном, эта группа удалялась в коридор и начинала там свой концерт... И публика потихоньку перекечевывала из зала в коридор на их концерт, проходивши всегда с большим успехом.

1977 г.

В. В. Молодцов

ЗДЕСЬ Я ПРИНЯЛ ЭСТАФЕТУ, КОТОРУЮ НЕСУ ВСЮ ЖИЗНЬ...

День 1 (14) октября 1916 г. выдался безоблачным, морозным. Земля подстыла, и было приятно пройтись по улицам, под ногами звенели льдинки, а воздух был свежим и резким.

Почему мне запомнился этот день, хотя с того времен прошло более сорока лет?

Именно в этот день в губернском городе Перми открылось первое на Урале высшее учебное заведение — Пермское отделение Петроградского университета.

Это было знаменательное событие в жизни нашего города, и я, семнадцатилетний юноша, не мог в тот день спокойно оставаться дома;

хотелось движения, хотелось быть на улице, раз нельзя было быть там, где в торжественной обстановке проходило заседание, посвященное открытию университета.

Для меня, только что окончившего реальное училище к поступившего на службу в Государственный банк, появилась перспектива стать одним из первокурсников нового вуза.

Я слышал, что открытию университета предшествовала многомесячная борьба между Пермью и Екатеринбургом. Екатеринбург, всегда влиятельный и богатый, претендовал на университет. Пермь отстаивала свои интересы. В Перми было сильное земство, богатая, знаменитая по тем временам губернская земская больница (база для будущего медицинского факультета). Земство предоставило в распоряжение университета свое новое здание.

Пароходчик Мешков принес в дар городу огромное новое здание, выстроенное на Заимке (бывший главный корпус университета). Кроме того, в Пермь было эвакуировано из Дерпта университетское имущество. Все это перевесило чашу весов в пользу Перми, Пермь победила.

Хочется сказать несколько слов о Николае Васильевиче Мешкове. Говорят, это был очень богатый, энергичный и в то же время очень скромный человек. Будучи миллионером, он был широко известен своей благотворительностью, прогрессивным образом мыслей. В нем было что-то от Саввы Морозова.

Первым ректором университета был доктор астрономии профессор К. Д. Покровский. На его имя я и подал заявление о зачислении меня студентом историко-филологического факультета. Однако я был зачислен только вольнослушателем, так как у меня не было знания латинского языка. Только с осени 1920 г. я стал студентом.

Историко-филологический факультет тогда размещался в бывшем особняке пароходницы Любимовой (позднее драмтеатр, в настоящее время ТЮЗ). Дом великолепный, цельные окна, лепные потолки, камин в изразцах. Я впервые видел такие богатые покои. Правда, здесь было очень холодно, так как печи топились едва-едва из-за отсутствия топлива. Но это не смущало нас; мы не раздевались, а иные не снимали шапок.

Так, в теплой шапке, нахлобучив ее на глаза и опустив уши, слушал лекции студент Пьянков, впоследствии профессор истории в Полтавском, а затем Минском университете, В то время я считал его «невежей», так как он никогда не стаскивал со своего большого лба мехового треуха. Прошел год, и Алексей Пьянков сделался уважаемым студентом. Он был трудолюбив, работал по первоисточникам и поражал нас на семинарских занятиях своей эрудицией. Про него и песенку сложили: «Наш Алеша — эрудит, все над книгами сидит...».

Представители общественности Перми на открытии университета 1 (14) октября 1916 года. В первом ряду справа: К. Д. Покровский, Э. Д. грим, В. Т. Шевяков, Н. В. Мешков.

Но все это было потом, а пока мы с каким-то священным трепетом слушали лекции наших новых учителей. Никогда не забыть мне живые, увлекательные лекции по общему языкознанию. Читал их молодой ученый Леонид Арсеньевич Булаховский, впоследствии академик, автор многих научных работ. Помню, как пушкинский стих «Не спи, казак: во тьме ночной чеченец ходит за рекой...» Леонид Арсеньевич прочел на многих славянских языках: болгарском, чешском, польском и др. Читал он с увлечением, и мы с таким же увлечением слушали его.

Учиться было очень интересно. Занятия были вечерние, и я после работы спешил в особняк Любимовой, с совершенно для меня новой атмосферой, отвечавшей моим запросам, поднимавшей на какую-то высоту. Словом, несмотря на ужасные материальные трудности, я в те годы был совершенно счастлив, так как интересны были лекции и профессора, интересны были и сами студенты.

С огромным уважением я вспоминаю Сергея Петровича Обнорского, впоследствии действительного члена Академии наук СССР. В то время он был молод и очень симпатичен. Он был нашим деканом. Так как я учился на историческом отделении, то мало слышал его, но один вечер никогда не забуду. Это было заседание ОФИСа (Общество философских, исторических и социальных наук), посвященное памяти великого русского ученого Шахматова. Сергей Петрович был учеником Шахматова и сделал о нем доклад." Не помню самого доклада, но хорошо запомнил, что Сергей Петрович так " волновался, что на глазах его блеснули слезы. Я впервые почувствовал тогда, как сильно можно любить своего учителя, и понял, какое великое и благородное поприще наука.

Помню, что на том же заседании профессор А. П. Дьяконов, председатель общества, выступил с докладом, посвященным памяти египтолога Тураева.

Лекции по истории древнего Египта читал начинающий ученый Алексей Викторович Шмидт, сын нового ректора университета, профессора-анатома В. К. Шмидта. Это был, пожалуй, самый молодой и самый увлекающийся преподаватель университета. Я хорошо помню его долговязую фигуру, его жизнерадостные, с искоркой веселости глаза, его захлебывающийся голос.

Его специальностью была археология, он постоянно возился с черепами и косточками, любовно раскладывая их по полочкам стеклянных шкафов в кабинете древностей. Тут же на алом бархате лежали какие-то маленькие египетские фигурки, разные пряжки и бляшки, добытые при раскопках Гляденовского костыща. Мы часто бывали в кабинете Алексея Викторовича, сблизилась с ним. Помню, когда я готовил доклад к семинарским занятиям, Алексей Викторович пригласил меня к себе домой и подарил мне краеведческий сборник, в котором была напечатана и его статья. Сделал на обложке дарственную надпись. Как я был тогда счастлив! Я и сейчас хорошо помню его неровный прямой почерк.

Летом А. В. Шмидт ездил на раскопки на р. Чусовую. Его постоянным

спутником был мой однокурсник П. С. Попов. Однажды и я побывал на раскопках. День был очень жаркий, и мы решили искупаться. Алексей Викторович не умел плавать, влез в воду по пояс, плескался, брызгался, смеялся. Он вообще был мало приспособлен к жизни. Весь обгорел на солнце. А спустя несколько дней с ним произошло несчастье. Он сорвался с крутого обрыва и сломал ногу. С великим трудом П. С. Попов переправил его на лодке в город, откуда Шмидт был доставлен в хирургическую больницу. Я был у него в больнице, и мне запомнилась такая картина. Алексей Викторович лежит на спине, загипсованная нога приподнята к спинке кровати и оттянута вниз привязанным к шнурку кирпичом. Лицо, по-прежнему веселое и живое, обросло рыжеватой бородой, и всем своим видом он напоминал Паганеля.

Молодой, энергичный доктор в белом халате разговаривал с ним. Оба смеялись. Когда доктор ушел, Алексей Викторович, продолжая смеяться, рассказал мне, что этот доктор делает замечательные пластические операции, например, из носа курносого может сделать нос римский и наоборот.

Было очень жаль, когда милый Шмидт покинул Пермь, чтобы работать в Эрмитаже: «Приезжайте в Ленинград,— говорил он, прощаясь — Я вам все сокровища покажу».

Спустя одиннадцать лет я оказался в Ленинграде. Конечно, я был в Эрмитаже, спрашивал о Шмидте. «Такой у нас не работает»,— был ответ, Я и сейчас не знаю, как сложилась дальнейшая судьба Алексея Викторовича. Боюсь, что конец был трагическим: ведь этот человек, прекрасно разбирающийся в черепках тысячелетней давности, вовсе не был приспособлен к суровой действительности. Таким же, мало приспособленным к жизни, человеком был и профессор Коссовский, поляк по происхождению, впоследствии уехавший в Польшу. Мы так его и называли: пан Коссовский. Он был очень рассеян, говорил, запинаясь, каким-то очень высоким голосом, безобидный добряк, даже немного чудаковатый. Когда он припоминал даты, а он их приводил часто и много, то поднимал глаза, словно вес даты были написаны на потолке. Не знаю почему, но про него сложили такую песенку: «Пан Коссовский любит кашу. Дурденевский — сын мамы...».

Профессор В. Н. Дурденевский читал курс политэкономии. Обязательный для всех, он читался в зале Екатерино-Петровского училища, где можно было собрать много народу. Холод был там жуткий, отопительная система не работала. Естественно, мы, студенты, сидели в шубах и валенках. Но не таков был наш профессор. Появившись на сцене в шубе, он раздевался, клал шубу, шапку, перчатки, кашне на крышку рояля снимал теплые калоши и, оставшись в строгом изящном костюме, приступал к лекции.

Читал он прекрасно, выразительно, не прибегал к конспекту, в совершенстве владея материалом и словом. Он как-то отчеканивал каждую мысль. Слушать его было приятно, интересно. На его лекциях присутствовало много студентов, но в зале от этого не становилось теплее.

Где теперь профессор Всеволод Дурденевский? Как-то в центральной печати я встретил его фамилию в числе экспертов, посылаемых в Западную Германию. Это было, по-видимому, тогда, когда наше правительство устанавливало дипломатические отношения с ФРГ.

Зал бывшего Екатерино-Петровского училища памятен мне и по концертам, которые устраивались там музыкантами-любителями. Концерты носили тематический характер, знакомили с музыкой Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Бетховена, Шопена. На эти концерты собирались как пожилые люди, ценители музыки, так и студенческая молодежь. Это было доказательством того, что музыкальная жизнь никогда не замирала в нашем городе. Кто же были исполнители этих музыкально-образовательных концертов?

Лекции обычно читал профессор А. И. Сырцов, а музыкальные произведения исполняли Окунь (скрипка), Ерухманов (рояль), Эварестов (лирический тенор).

Прежде чем проститься с особняком Любимовой, мне хочется рассказать о таком факте. Читая лекции по статистике был приглашен инженер Владимир Михайлович Сумароков. В то время он заведовал Пермским статистическим бюро. Этот милейший человек (я близко знал всю семью Сумароковых) был отличный оратор. Я слушал его лекцию о Л. Н. Толстом, когда отмечалось 10-летие со дня смерти великого писателя. Пришел я и на его лекцию по статистике, хотя этот курс считался необязательным. Лекция состоялась, хотя слушателей было всего два человека, Я и еще один студент.

Вечером, когда я был у Сумароковых и мы сидели за чаем, Владимир Михайлович, обращаясь к своей жене, с улыбкой сказал: «Ты знаешь, Лена, сегодня Вася увеличил мою аудиторию на 50%»,

Я любил бывать в семье Сумароковых. Это была на редкость дружная, симпатичная семья. Владимир Михайлович являлся для меня примером высокой культуры, благородства, человечности. Как жаль, что он умер в расцвете сил от брюшного тифа.

В 1921 г., историко-филологический факультет был переведен в здание на углу улиц К. Маркса и Пушкина. Это было то самое здание, которое в 1916 г. было передано университету земством. В течение ряда лет в нем размещался военный госпиталь. Когда мы въехали в него, то на дверях будущих аудиторий все ещё висели таблички: «палата №...»,

В огромном трехэтажном доме было неуютно, темно, холодно. Отопительная система не работала, электрическая осветительная арматура отсутствовала. А так как мы продолжали заниматься по вечерам, то пользовались керосиновым освещением. По всему зданию несло керосином. Лампы заправляли сами. Заведовала раздачей керосина студентка старшего курса Т. П. Кольфауз. В кабинете русской истории хранилась большая бутылка с керосином. Туда и тянулись студенты с пустыми лампами.

Конечно, свету было недостаточно, и вся громада здания тонула во тьме. Но была еще одна трудность: это ужасный холод. В морозные дни все

кутались, а в чернильницах замерзали чернила. Мне помнится такой случай. Профессор В. Э. Крусман, в больших подшитых валенках, в какой-то рыжей видавшей виды дохе, обмакнул перо в чернильницу, чтобы поставить студенту зачет. Но чернила замерзли. Тогда, возвращая студенту зачетную книжку, профессор с добродушной улыбкой сказал: «Ничего не попишешь».

И тем не менее, жизнь на факультете кипела. Занятия шли полным ходом, и я, вернувшись с работы, тотчас же бежал через весь город к своим профессорам, к своим студентам.

Я считаю, что мне повезло: за свои студенческие годы я услышал столько замечательных лекций. У каждого оратора была своя манера говорить. У иного все его мысли было легко записать. Говорил он не спеша, строго последовательно, согласуясь с законами логики. Одно положение вытекало из другого, закруглялось, цепляясь за другое звено, последовательно раскрывало его. Все сказанное аргументировалось, все постепенно подготавливало вывод, даже несколько выводов, которые аккуратно перечислялись: во-первых, во-вторых, в-третьих. Наконец, следовало краткое, но исчерпывающее резюме. Мы всегда точно знали, о чем сейчас будет говорить профессор, когда он кончит, когда сделает перерыв, так как перед лекцией нам сообщался строго продуманный план. Это была хорошая школа мысли.

Полной противоположностью являлась лекторская манера профессора общей истории Крусмана. Владимир Эдуардович, когда читал, забывал обо всем на свете. Перерывов для него не существовало. Он словно красками писал картину. Вдохновенно, образно, ярко лилась его речь, один поток мыслей нагромождался на другой, одна мысль торопила другую. Эти мысли было трудно записать. Мы оставляли тетради и только слушали. Но в целом оставалось удивительное впечатление, мы были по-настоящему взволнованы и благодарны профессору.

В. Э. Крусмана любили все как-то особенно нежно: каждый, кто знал его, питал к нему самое глубокое уважение. И было больно узнать, что летом 1922 года Владимир Эдуардович умер в Москве. Мы увеличили его портрет и повесили в кабинете всеобщей истории.

Без сомнения, самый одаренный, с тонкой поэтической душой, с какой-то одухотворенной речью, удивительно сдержанный и скромный был профессор логики и психологии Анатолий Иванович Сырцов. Мы, студенты, любили его, и, мне кажется, за то, что он бережно относился к молодежи, верил в светлый разум человека, умел видеть прекрасное. Он любил и знал музыку, любил живопись. Я помню его лекции об искусстве, которую он прочел в залах картинной галереи. Был весенний вечер, и когда я подходил к высокому зданию бывшего кафедрального собора, где была размещена галерея, вся верхняя часть колокольни вдруг озарялась огнем заката. Эффект освещения был поразительным. Казалось, были розовыми не только высокие перистые облака, но и все, что было на земле: стены домов, еще голые ветки лип, голуби-сизари и даже сам воздух, этот пьянящий весенний воздух.

Профессор Сырцов начал лекцию. И что же! Он рассказал слушателям о пожаре зари, рассказал, что бывает прекрасен окружающий нас мир и что художники не только видят красоту, но и умеют показать её другим.

Анатолий Иванович был организатором камерных концертов в Доме ученых. Трудно забыть эти концерты. Это были настоящие праздники искусства. Огромное эстетическое наслаждение я получал, слушая выступления таких замечательных струнных ансамблей, как трио им. Станиславского, квартет им. Страдивариуса, квартет им. Глазунова; мне помнятся приезды пианистов Оборина, Гинзбурга, артистки Веры Дуловой и многих других.

В Доме ученых я слушал и «Медного всадника» в исполнении Антона Шварца и Сергея Балашова. Как тихо было в зале! Мурашки бежали по спине, когда Сергей Балашов читал: «...Ужасен он в окрестной мгле...» Так впечатления от университетских лекций дополнялись эстетическими, наполняя мой внутренний мир радостным ощущением жизни.

Хочется сказать несколько слов о профессоре литературы Василии Васильевиче Гиппиусе. Помню его вступительную лекцию в актовом зале факультета. Гиппиус, безусловно, был интересной фигурой. К сожалению, я редко слушал его, так как был на историческом отделении. Кроме того, работа в Государственном банке (ведь я никогда не был студентом в полном смысле этого слова) отнимала у меня много времени. Зато я встречался с братом Василия Васильевича – Александром Васильевичем.

А. В. Гиппиус работал в художественной галерее, и я мог без конца слушать его рассказы о художниках и поэтах, особенно о Блоке.

Помнится мне приезд в Пермь ленинградского профессора Гуковского. Он прочел две лекции: «Ломоносов» и «Державин».

Должен сказать, что только после лекций Гуковского я почувствовал художественную прелесть лирики Державина. До встречи с Гуковским Державин был для меня старомодным поэтом, певцом «Фелицы».

Мне также памятно пятилетие университета. Оно отмечалось в театре. С докладом выступил профессор физики Орлов. Уже тогда он говорил о таинственной силе атома. Мне запомнились его слова: «...если на земле иссякнут все источники энергии, тогда ученые зажгут воздух.»

Теперь о студентах. Многие из них запомнились на всю жизнь. Помню Аню Шкляеву, крупную блондинку, миловидное, нежно-розовое лицо которой, с пышными русыми волосами, всегда эффектно выделялось в раме мехового воротника из черного барашка. Аня впоследствии вышла замуж за П. С. Попова. Еще в 1957 г. они были в Свердловске.

Помню Веру Попову и Сурьянинова. Кажется, они также поженились. Вера была остроумной, насмешливой. Это ей принадлежат куплеты, которые распевались студентами в веселый час. Был у нас студент Ашихмин. Он любил глубокомысленно изрекать истины, вроде: «Все реки текут в море». Он был очень худ и высок ростом. И вот, пожалуйста, эпиграмма: «Наш Ашихмин так умен, сколько ростом он длинен».

Помню Тоню Соломонову, Алешу Богословского, женившегося на красавице Симанович. Никого из них нет в Перми.

Только мы с Татьяной Петровной Кольфгауз и Л. А. Стрельман долгое время вместе работали в школе, да и сейчас частенько видим друг друга.

Помню коротенькую Нонну Ивановну, которая как мышка жила где-то на мансарде краеведческого музея по соседству с хранившейся там египетской мумией.

Студенческая среда была дружной. Некоторые увлекались стихами Ахматовой, Блока, Есенина. С увлечением ходили в театр, запомнились постановки Новосибирского театра «Красный факел».

Студенты-филологи не замыкались в своей среде. Они дружили с медиками. Я, например, был дружен с Н. М. Степановым, впоследствии известным профессором-хирургом, безвременно умершим в 1960 г. Николай Михайлович («Михалыч») был регентом студенческого хора. Я бывал на спевках хора, проходивших обычно в студенческой «столовке», где было так же уютно, как и несытно. Но песни компенсировали многое: от них светлело и теплело на душе. Среди студентов-медиков были семинаристы. Почти все они обладали голосами, и хор звучал очень внушительно. Из исполнявшихся тогда песен мне особенно запомнилась одна: «Повеяло черемухой, проснулся соловей».

Это была красивая лирическая песня, исполнявшаяся с большим чувством. К сожалению, с того времени я этой песни никогда не слышал.

Мне хочется закончить эти беглые записи рассказом о Николае Петровиче Обнорском, который в течение долгих лет заведовал фундаментальной библиотекой университета, преподавал нам английский и греческий языки. Это был человек энциклопедических знаний и очень высокой культуры. Он был также очень сердечный человек. Никогда не забуду, как он, заметив, что я отстаю в греческом языке, пригласил меня в библиотеку и дал мне индивидуальный урок. Он брал чистые библиотечные карточки и писал на них. Эти карточки я храню до сих пор, как драгоценную память о замечательном учителе.

Очень много дал мне университет. Это незабываемая и, пожалуй, самая интересная пора моей жизни. Здесь я научился ценить жизнь, уважать науку и человека, верить в торжество человеческого разума. Здесь я принял от своих учителей эстафету, которую несую всю жизнь и пытаюсь передать идущему на смену более счастливому молодому поколению.

Январь 1962 г.

Ю. А. Орлов
НЕВОЗВРАТИМОЕ ПРОШЛОЕ

Почти всякие воспоминания в той или иной мере субъективны. Тем более

когда они относятся к периоду собственной молодости, а значит, и к невозвратному прошлому, в котором многое мило и дорого.

Летом 1916 г., после перехода на последний курс университета, А. В. Немилов предложил мне работать у него в Пермском отделении Петроградского университета, куда сам получил приглашение на профессию по гистологии.

В это время я был занят изготовлением каких-то черепов и другими зоологическими делами. Вначале обрадовался столь лестному предложению, но потом решил, что слишком зелен для ассистентуры и что по приезду осенью в Питер откажусь, А. В. Немилов в это время переехал в Пермь для знакомства на месте с общей обстановкой и перспективами работы.

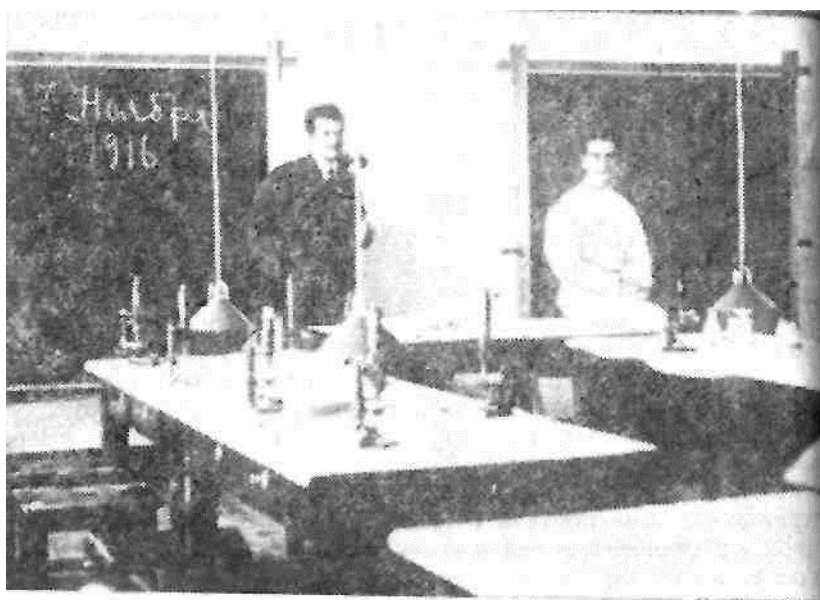
Приехав осенью в Петроград, я пошел с отказом к Немилову. Он сообщил мне, что и сам решил не ехать, так как обстановка будет провинциальная, много хлопот, а возможности для серьезной научной работы в Пермском университете он не видит. На этом я и успокоился. Через несколько дней товарищи мне сообщили, что меня разыскивает А. А. Заварзин.

Вскоре я встретился с ним в университетском коридоре у входа в анатомио-гистологический кабинет. Алексей Алексеевич широко улыбался и обратился ко мне со словами: «Черт побери! Наконец-то я Вас нашел, доктор!». Он повел меня в кабинет, в котором работал вместе с А. В. Немиловым, и предложил мне поехать с ним ассистентом в Пермь на кафедру гистологии, в связи с отказом А. В. Немилова, которого он за это жестоко бранил. Алексей Алексеевич и слышать ничего не хотел о моих сомнениях в пригодности для ассистентуры. Ему хотелось ехать в Пермь, по его словам, потому, что в провинции можно развернуться и создать что-то новое, сосредоточеннее и продуктивнее заниматься наукой, работать над созданием нового университета и очага науки. Он приводил примеры Казанского, Харьковского и других наших университетов, называл имена крупнейших ученых, которые там выросли. Кроме того, Алексею Алексеевичу хотелось вырваться из атмосферы ссор и дразг, которых тогда было много в окружавшей его университетской обстановке.

Многое в его словах было для меня увлекательно, но не совсем убедительно: ведь как же можно оспаривать правильность того положения, что в провинции меньше необходимой научной литературы, меньше научного общения и культуры вообще, чем в столице, и т. д.

Я колебался. Не помню как, но, кажется, по просьбе самого же Заварзина я зашел по этому смущавшему меня вопросу к профессору В. А. Догелю. Он стал уговаривать меня ехать не колеблясь. «Алексей Алексеевич талантливый человек, за ним Вы никогда не пропадете», — говорил В. А. Догель. То же самое мне сказал впоследствии главный учитель и шеф А. А. Заварзина — профессор А. С. Догель (суровый «старый Догель»), на прощание даже поцеловавший меня. Я сообщил Алексею Алексеевичу, что «попробую» быть у него ассистентом, но с непременным условием сообщить мне о моей непригодности, чтобы я мог немедленно ретироваться. Алексей

Алексеевич успокоил меня, сказав «немедленно вышибу».

А. А. Заварзин, Ю. А. Орлов

Кроме того, он просил меня найти еще — в качестве второго ассистента — моего товарища по университету В. Н. Доброва. Но у Доброва были запущены экзамены, и он ехать не мог, мне же оставалось сдать лишь государственные экзамены весной 1917 г.

А. А. Заварзин спешно ликвидировал свои дела, торопясь ехать в Пермь к открытию университета. Мне почему-то особенно запомнилась одна встреча с Алексеем Алексеевичем на набережной около университета. Он был в своем зеленовато-сером летнем пальто, в мягкой шляпе, улыбающийся радостно настроенный и всячески подбадривал меня. По его представлению я был откомандирован университетом на год в Пермское отделение Петроградского университета для несения обязанностей ассистента на кафедре гистологии А. А. Заварзин перед отъездом дал мне ряд поручений по добыванию реактивов и оборудования и уехал в Пермь, насколько помню, около 1 октября.

Из анатомо-гистологического кабинета нам были выделены (кажется, временно) шесть «пушек» — старых микроскопов Зейберта без кремальер; помнится, два микротомы, кое-какие реактивы, в частности «проверенная» метиленовая синька. Кое-что было куплено в магазинах. Старые сторожа Василий Зверев и Василий Евтух упаковали наше первичное оборудование для отправки в Пермь. Перед отъездом я получил от А. А. Заварзина письмо, в котором он писал: «Захватите на всякий случай полсотни лягух». Лягушек мне упаковали в небольшой ящик, в котором было просверлено коловоротом несколько крупных отверстий для воздуха. По дороге в вагоне, ночью, несколько лягушек выскочило, в поезде был переполох, вызвали проводника; я слышал, как кто-то пояснял, что лягушки «заводятся от

сырости», что их, «слышь, во Франции едят и, наверно, в вагоне едет француз...».

Я уехал в Пермь в первых числах октября, получив теплые напутствия от А. С. Догеля, В. А. Догеля и В. М. Шимкевича. Поезд пришел поздно вечером, я долго ехал в темноте на извозчике по какой-то бесконечной улице, пока, наконец, добрался до квартиры А. А. Заварзина. Он жил в это время у отставного лесничего Ивана Игнатьевича Ткаля на бывшей Екатеринбургской улице, за Осинской. И. И. Ткаль и его жена были в отъезде, как и А. А. Заварзин, уехавший «на зайцев». Меня встретил мальчик лет пятнадцати, военнопленный русин. Кажется, на другой же день вернулся с охоты Алексей Алексеевич, полный впечатлений от пермской золотой осени, солнечной погоды, местной природы и местных людей, принимавших самое активное участие в устройстве нового университета...

А. А. Заварзин повел меня в городское училище имени Кирилла и Мефодия. Училище представляло собою новое, добротное двухэтажное здание с крутыми скатами крыши, на углу Кунгурской улицы, отведенное для кафедр зоологии, ботаники, анатомии человека и гистологии. В большой общей аудитории на втором этаже читались лекции не только по этим предметам, но и по многим другим профессорами разных факультетов. Из них в особенности запомнился профессор М. В. Птуха, впоследствии действительный член Академии наук УССР и член-корреспондент АН СССР. Мне запомнилось, как по поводу каких-то очень крепких выражений А. А. Заварзина в адрес незадачливого помощника ректора по хозяйственной части Птуха сказал: «О, це ж зистология!». Так потом это «О, це ж зистологин» всегда говорили, когда слышали крепкие выражения Алексея Алексеевича,

При виде больших, чисто выбеленных, но совершенно пустых комнат Кирилло-Мефодьевского училища как-то было трудно представить себе, что «это и есть университет», что это и есть начало большой работы в области науки и изучения природы «обширного Прикамского Приуральяского края», как писалось тогда в многочисленных докладных записках. В этом здании должны были проходить занятия первых двух курсов медиков и естественников. (Самостоятельного медицинского факультета в то время еще не было, было лишь медицинское отделение на физико-математическом факультете, наряду с отделением естественных наук). На первом курсе первого приема 1916 г. было, кажется, около 250 медиков и 94 естественника.

В это время уже делалась по заказам заведующих кафедрами основная мебель. А. А. Заварзин обошел все магазины Перми и перерыл все склады, в которых можно было добыть хоть что-нибудь подходящее для вновь организуемой лаборатории, купил несколько микроскопов в магазинах и у частных лиц и т. д. При немногочисленности микроскопов, привезенных из Петрограда, практические занятия велись на «сводкой оптике» всех четырех перечисленных кафедр — гистологии, зоологии, ботаники и анатомии человека. Работы было очень много и по оборудованию кафедры и собственно педагогической. Все 250 медиков и 94 естественника имели

практические занятия по общему курсу гистологии и изготавливали собственные микроскопические препараты. На всех учебных столах были наборы красок, для всех студентов нужно было заготовить папки, устроить персональные гнезда в разделенных переборками на клетушки канцелярских шкафах и т. д.

А. А. Заварзин прилагал все усилия к тому, чтобы преподавание было на высоте. При единственном, не имевшем никакого опыта, ассистенте это было трудно.

Мне запомнилась моя первая командировка за спиртом для всего университета на винокурный завод в Осу, о котором я знал, что до него доходил со своими отрядами Пугачев. Был конец октября, когда по Каме уже поплыли первые тонкие льдинки (шуга). А на обратном пути из Осы, из которой я со своим обозом спирта едва выбрался на пристань из-за совершенно невообразимой непролазной грязи, пароход, на котором я вез спирт, шел с трудом вверх по течению против почти сплошного уже довольно крепкого льда, обломал себе ...колеса и чуть не вмерз в лед около Оханска, А. А. Заварзин, очень встревоженный не только отсутствием спирта, но и пропажей единственного ассистента (о пароходе несколько дней не было никаких известий), уже собрался снаряжать спасательную экспедицию. В конце концов все кончилось благополучно.

Быть может, самое трудное в жизни и одновременно весьма важное – правильно оценивать людей. Это требует не только природного ума, умения быть объективным, но и некоторого жизненного опыта. Последний, во всяком случае, у еще не окончившего университет 23-летнего ассистента отсутствовал. Поэтому мне многое не было понятно в А. А. Заварзине, хотя для меня был достаточен его авторитет, а кроме того, я был привязан к нему и совместной работой, жизнью и его неустанной заботой обо мне. Последняя проявлялась во всем, начиная от руководства в педагогике, планов научной тематики (тогда еще планов, всего-навсего) и кончая советами при покупке штатского костюма — ассистент в студенческой тужурке и зеленых диагональных брюках вызывал недоверие у студентов одним своим внешним видом. Итак, мне было трудно давать правильную оценку А. А. Заварзину. Я работал, как мог: днем сидел за микротомом, а вечером читал, готовился к весьма почетной для меня деятельности. Но другие его товарищи по работе, профессора, ректор университета астроном К. Д. Покровский, местные деятели земства (последнее в Пермской губернии было весьма прогрессивным) давали Заварзину свою оценку. Некоторых поражала его непривычная для профессора шумность, резкость, внешняя, наполовину напускная, неуклюжесть. Некоторые, особенно склонные к тихому, спокойному существованию, а отнюдь не к активной организаторской работе, были попросту недовольны его неумемной, несокрушимой энергией и настойчивостью, которые он проявлял в вопросах, связанных с организацией нового университета. Но были другие, оценившие его прежде всего как ученого и организатора науки. Они видели в Алексее Алексеевиче молодого,

пусть неопытного и, может быть, по молодости и темпераменту очень задорного, но бесценного работника и патриота своего университета. В особенности хорошо относилось к нему молодое, еще без всяких исторически сложившихся традиций, пермское студенчество. Но студенчество как коллектив всегда было и будет умным, наблюдательным, тонко понимающим профессора коллективным умом. Суждения этого ума бывают большей частью поразительно верны и, в случае дефектов преподавателя, беспощадны. И пермские студенты с самого начала полюбили Заварзина, несмотря на его строгость и требовательность. Обстановка вновь создающегося университета, из которого, ввиду его необустроенности, многие учащиеся склонны были бы уехать в другие места, была своеобразна. Поэтому для успеха дела нужно было не только самому любить университет, но и заставить студенчество ценить его, понять, что студенты наравне с профессурой — основатели новой на Урале цитадели науки и культуры. Теперь, по прошествии многих лет, когда в России не 8 университетов (Пермский был 9-й), а несколько десятков и около сотни медицинских институтов, несколько академий наук и т. д., все сказанное выше может показаться скучной подробностью. Но тогда это объединяло профессию и студенчество, помогало переживать начинавшуюся разруху, тягостные известия с фронтов мировой войны.

В свою очередь А. А. Заварзин ценил в профессуре и местных людях прежде всего бескорыстное желание сделать все возможное для университета. Вообще же в своих суждениях он был меток и совершенно беспощаден к тем, кто видел в своей Профессуре «тихую пристань», кто был внутренне обывателем или с самого начала больше всего думал о том, как уехать из Пермского университета в другой город, где легче работа и не нужно думать об устройстве студенческих общежитий, жилье для преподавателей, приобретении оборудования, книг и т. д. Его раздражали томные журфиксы по субботам, на которые приглашала «ректорша» и на которых ему были тягостны респектабельные разговоры респектабельных дам.

А. А. Заварзин оценивал своих коллег прежде всего с точки зрения пригодности их для этого «боевого задания». Неугомонный и страстный, он был не всегда объективен в своих суждениях о других людях. В лаборатории А. А. и я работали и как преподаватели, и как загруженные до отказа лаборанты (тогда мы и не слышали о том, что может быть специальный лаборант), поэтому мне было трудно разбираться во взаимоотношениях А. А. Заварзина с другими коллегами.

Как известно, А. А. любил пошутить и побалагурить. Он был одним из самых молодых и. о. профессора в 1916/17 учебном году, как и многие другие, должность профессора он занимал будучи приват-доцентом. Среди молодых профессоров, с которыми он был дружен, вспоминаются Д. М. Федотов, возглавлявший кафедру зоологии, минеролог А. А. Полканов, позднее академик, физик Г. Г. Вейхардт. С ними был очень дружен и

пожилой, но всегда тянувшийся к молодежи и ко всему живому анатом В. К. Шмидт, прибывший в Пермь, как и Федотов и Полканов, из Петроградского университета.

Очень живо помню, как на масленице 1917 г., после того как от Заварзиных «отбыли» «отец-ректор» и «мать-ректорша», оставшиеся собрались в моей комнате и начали резвиться. Решено было устроить состязание по сбиванию друг друга с прыжками из одной ноги с подогнутой другой. Д. А. плечом чуть не сшиб меня, а я с размаху налетел правой ключицей на косяк с такой силой, что у меня рука повисла как плеть, появился огромный кровоподтек на правом плече и на груди и, по данным хирурга, на ключице образовалась трещина. На две недели я оказался с прибинтованной неподвижно правой рукой, поэтому во время практических занятий рисовал мелом на доске левой рукой.

Другой комический эпизод с участием А. А. Заварзина произошел в лаборатории. В нее зашли жена ректора, жена вице-губернатора и еще какая-то местная дама, интересовавшиеся тем, «как живут и работают в университете». Они были очень представительны в парадных шляпах со страусовыми перьями, 8 роскошных боа и с муфтами. Я сидел перед анатомической банкой с глицерином, в которой бережно монтировал человеческого зародыша, приготавливая прозрачный препарат по способу Шульца для показа хрящей и точек окостенения в скелете. А. А. окликнул меня, представил посетительницам; с совершенно невозмутимым, серьезным видом он произнес следующее: «Это мой ассистент Юрий Алексеевич Орлов, а в банке его собственный сын, которого он не пощадил для науки...»

Был еще один случай, происшедший в следующем учебном году, когда ряд лабораторий разместились уже в главном университетском здании (первично ночлежный дом, выстроенный И. В. Мешковым) на Заимке, около станции Пермь II. Дело было в лаборатории физиологии растений А. А. Рихтера, которого Алексей Алексеевич очень ценил в то время за его размах в организационной работе и за настойчивость. Прыгали на одной ножке петушком. На этот раз Андрей Александрович Рихтер предварительно показывал «молодежи», именно А. А. Заварзину и такому же рослому А. А. Полканову, как надо прыгать. Получив инструкцию, Полканов и Заварзин принялись прыгать, разбили пару ярких электрических лампочек, висевших на блоках, а главное, А. А. Заварзин промахнулся и вместо удара по Полканову с разгону влетел в шкаф с ретортами и колбами (которые с таким трудом в это трудное время добыл где-то Рихтер). Это был в полном смысле слова «слон в посудной лавке». А. А. Рихтеру, который сам же вызвал их на это состязание, пришлось через силу улыбнуться...

С осени 1917 г. в Пермь приехал вторым ассистентом (старшим) Александр Яковлевич Колачев, которому я был больше рад, чем Алексей Алексеевич, так как приходилось вести преподавание уже не одному, а двум курсам медиков и естественников. В это время осенью прокатилась полоса погромов: громили винокуренные заводы, склады со спиртом, пивоваренные

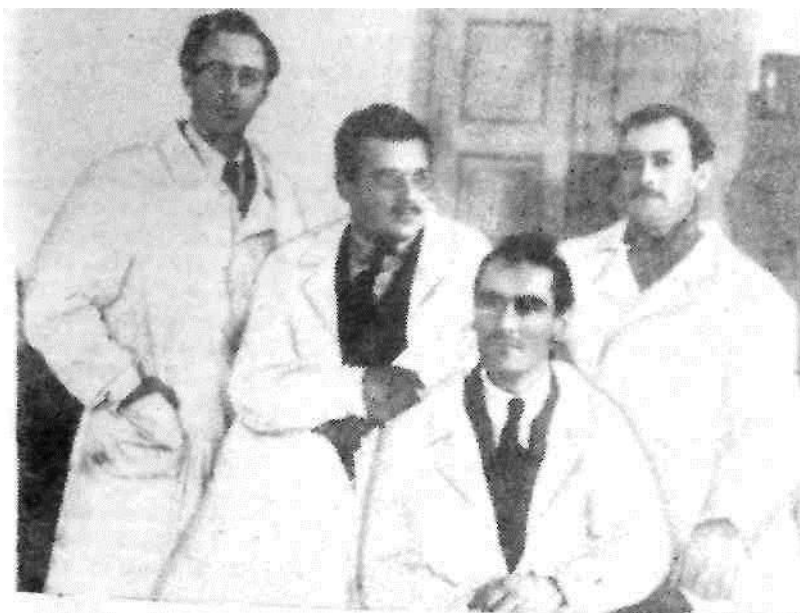
заводы. Незадолго до этого я был послан, как и в предыдущий год, за спиртом в ту же самую Осу. Когда я привез 70 ведер спирта ночью из винокуренного завода в Осу на пристань, возчики внезапно остановили лошадей и категорически потребовали у меня отлить им несколько «ведерок» спирта. Не помню как, но мне удалось уговорить их отступить от этого и везти на пароход все целиком. Подробности этой неудобной ночи, когда совсем я замерз бы в своем драповом пальто, если бы не помощь одного татарина, поделившегося своим большим, невероятно грязным тулупом, запомнилась на всю жизнь. Но самое неприятное было впереди, после доставки этого спирта в здание Кирилло-Мефодьевского училища. Как-то ночью нас всех разбудил дикий крик и вой на улице, звон бьющегося стекла, беспорядочная стрельба... Шел погром. Кто-то тащил целые охапки галстуков-самовязов, какие-то люди вели, с трудом справляясь, по три-четыре велосипеда одновременно. Утром мы отправились в лабораторию. Толпа, разгромившая пивной завод и другие столь же «заманчивые» объекты, узнала о том, что в университет привезен большой запас спирта. Профессор А. Г. Генкель (ботаник) наивно вздумал было организовать охрану спиртного при помощи студентов. Но эти погромщики, обладавшие револьверами, заявили, что «мы покажем этим юнкерам, как нам мешать!» Алексей Алексеевич нашел из этого простейший выход. Кажется, он сам вел какие-то переговоры с «делегатами» толпы громил, а Колачев, я и несколько студентов запрятали одну бочку в глубокую пишу перед окном во дворе, завалив все это навозом и всяким хламом: а около 60 ведер успели вылить в канализацию, отчего потом шел спиртовый запах по всему зданию в течение всего учебного года.

Шел второй год моего пребывания в Перми, в которую я поехал ради науки, а науки еще не было видно... В мозгу у меня сидели слова, не помню чьи, о том, что у преподавателя высшей школы пусть лучше немного хромает педагогика, но должна идти наука, высшая школа тем и отличается от средней и т. д. Я решил, что надо хоть медицинский факультет окончить одновременно, о чем еще раньше думал, сомневаясь в своей пригодности для теоретической науки. В Перми я купил анатомических атласов, учебников по патологической анатомии, фармакологии, фармации и засел в анатомическом театре. Работал я много, «прошел» труп, наготовил даже препаратов для музея (по периферическим сосудам); одновременно готовил препараты по строению головного мозга по серебряной методике. Алексей Алексеевич не сразу догадался о моих медицинских устремлениях и лишь летом 1918 г., когда я продолжал свои упражнения по мозгу на только что открытой биологической станции Пермского университета в Нижней Курье, спохватился. Он дал мне тему, вытекавшую из собственных наблюдений Алексея Алексеевича, — нервные окончания па мышцах насекомых. Кроме того, были предложены и другие темы. И летом 1918 г. появились первые препараты, с которых начиналось, наконец-то, что-то вроде науки. В то же время приехал третий ассистент А. А. из голодного Петрограда, взятый им по

моей рекомендации, — Е. С. Данини. Он был худой и тощий, и я живо помню, как всех нас, пермяков, поразила бережность, с которой «Данина» снимал с длинного женского волоса, вытащенного им из черного хлеба, крошки хлеба и ел их. Но в это время и в Перми с продовольствием было непросто.

Надвигалась гражданская война на Урале, происходили обыски. Однажды, когда мы только что вернулись большой компанией с экскурсии по лугам и старицам Камской поймы, около здания биологической станции к нам подъехал какой-то отряд и остановился в полном изумлении при виде компании молодых и пожилых людей, вооруженных какими-то банками, сачками, планктонными сетками. А. А. Заварзин, Д. М. Федотов, А. А. Рихтер, Б. В. Бластов, Е. С. Данини, А. Я. Колачев, я и студент Д. Е. Харитонов (позднее профессор в Перми) и несколько других произвели на приехавшую к нам заставу совершенно ошеломительное впечатление. Мы не сумели сразу втолковать подъехавшим к нам всадникам, кто мы и чем занимаемся. Вся наша компания, по-летнему одетая, имела вид каких-то босяков, в конце концов недоразумение рассеялось. Но в соседнем здании произошел переполох; искали оружие, а 6-летний сынишка А. Я. Колачева сообщил страже, что у них в квартире есть оружие. Дом был заперт. Обыскивавшие терпеливо дождались нашего возвращения и сообщили о том, что дети всегда говорят правду и что оружие должно быть немедленно выдано. Однако все оказалось чепухой: мальчишка вытащил из-под кровати свое детское деревянное оружие.

Осень 1918 г, была неудобной, голодной и холодной, намечалась обстановка срабатываемости университета с советским строем, а предыдущая осень, непосредственно после октябрьского переворота, еще была полна неразберихи, так как профессура разделилась на два лагеря.

Е. С. Данини, А. А. Заварзин, Ю. А. Орлов, Ф. Е. Лазаренко
Зак. 260

Один из них, к которому принадлежали А. А. Заварзин, Д. М. Федотов, А. А. Рихтер, А. А. Полканов, Ю. С. Залькинд, А. А. Фридман, Б. Л. Богаевский, М. В. Птуха, Г. Г. Вейхардт и ряд других прогрессивных профессоров, безоговорочно заявил о своем признании новой власти, о необходимости вступления с нею в деловой контакт и совместной работы по дальнейшему развитию университета. Эта группа получила прозвище от своих противников «жидо-немецкая партия». Этими противниками, получившими в свою очередь кличку «церковно-приходская партия», были лейб-медик Деревенко и другие, фамилий которых не помню.

Осенью 1918 г. к нам на помощь приехал новый ассистент Ф. М. Лазаренко, впоследствии член-корреспондент Академии медицинских наук. Гистологическая лаборатория, в то время уже довольно большая, хорошо оборудованная, разместилась в главном здании университета на Заимке. Работы по усовершенствованию лаборатории было много. И только теперь, когда прошло так много лет и лишь я один остался в живых из первых ассистентов А. А. Заварзина (А. Я. Колачев умер еще в 1920 г.), можно оценить) работу четырех помощников А, А., ему безгранично преданных, его любивших и им воспитанных.

Ф. М. Лазаренко оказался на редкость хороший товарищ, еще больше сплотивший нас в дружную компанию, лозунгом которой было – все за одного, один за всех. Его хозяйственность и техническая сметка очень помогли устройству лаборатории: то классная доска из больших и толстых листов матового стекла, которые он неизвестно откуда добыл, то портреты ученых, для рисования которых он нашел какого-то художника, учившегося в Италии; то какие-то стеклянные банки и посуда всех сортов и размеров, добывавшиеся из каких-то никому неизвестных складов; то разные усовершенствования в педагогике, которая, кстати сказать, общими

усилиями под постоянным присмотром самого А. А. Заварзина была поставлена весьма обстоятельно. Всегда вспоминаются длинные вечера, когда мы сидели в нашей, так называемой «детской» (ассистентская), или в комнате для практических занятий, подготавливая демонстрацию каких-либо препаратов и рисунков к ним. Лазаренко затягивал какую-нибудь песню, либо шуточную на похоронный мотив, остальные подтягивали.

Шел третий год существования Пермского университета, ставшего самостоятельным с весны 1917 г. Надо было наладить работу клиники для медиков 3-го курса, добывать профессию— и все это в обстановке разрухи и полуголодного существования. У А. А. Заварзина в это время была большая семья: жена, двое детей, отец и мать, сестра, братья. А кроме того, много людей обращались к нему за помощью по самым разным делам. Бесхлебица, гнилая картошка, рваная, вечно мокрая обувь, почти нетопленная лаборатория с холодным асфальтовым полом, потеря почтовой связи с близкими все это выводило из равновесия, дезориентировало многих. Да и какой смысл числиться ассистентом университета, работая фактически преподавателем? Я сообщил А. А., что хочу работать в деревне, куда нас с ассистентом по анатомии Б. И. Степановым пригласил товарищ детства, лесничий В. И. Калинин. Он жил в с. Карагае на реке Обве, куда мы ездили со Степановым на воскресенье, в октябрьские праздники и т. д. (Оттуда же я привозил в лабораторию личинок жуков-носорогов, а также большие корзины с переложенным и мхом лягушками). Там было тепло и сытно. Теперь мне неловко вспоминать об этих «истериках» по адресу Заварзина. Он сам в это время ходил довольно тощий, но, конечно, по-прежнему могучий духом. Однажды, когда я стал дерзить и грубить ему, он сказал мне: «Слушайте, доктор, нельзя ли, черт Вас побери, полегче на поворотах?». Никуда я, конечно, не поехал.

Иногда студенты устраивали вечеринки то в помещении какой-нибудь средней школы, то в студенческом общежитии на мансарде, на которые приглашались наименее чинные, со студенческой точки зрения, профессора и преподаватели и наиболее любимые, к числу которых всегда относился и Заварзин.

Но прежде всего беспокоили нас продовольственные затруднения. Гражданская война на Урале и надвигавшийся фронт нарушили транспорт, связь между Пермью, Сибирью и другими местами. Поэтому мы вынуждены были добывать с городской бойни лошадиные кишки. Помню, как мы с Лазаренко, Данини и Колачевым везли на санках на квартиру Колачева гигантскую ледяную глыбу, объемом с человека среднего роста. Это был «комплект лошадиных кишок». Эту глыбу мы чуть не с «дубинушкой» втаскивали в маленькую кухонку квартиры А. Я. Колачева на Монастырской улице, против пожарной каланчи. Глыба стояла до утра, оттаивая и наполняя ледяным холодом маленькую кухонку. На другой день Данини, Лазаренко, Колачев, его жена и я вскрывали эту грудку кишок, потом их долго мыли, скоблили в воде, резали на кусочки и в чугунке ставили в печку и ели. Этот

способ подкормки получил среди нас прозвище «Зав-Ор-Да-Лаз» — по фамилиям участников. Впрочем, семейным или по крайней мере, женатым ассистентам жилось если не легче, то во всяком случае «хозяйственнее». Холостые же биологи образовали коммуну, в состав которой входили

П. Г. Светлов, А. О. Таусон, Б. В. Властов, В. С. Порецкий, Г. Г. Шульц, Е. С. Данини, Н. С. Порецкая и я, студенты Д. Е. Харитонов и В. М. Федотов. Члены коммуны по очереди мешочничали, добывали в деревнях картошку, которую варили на мансардной кухне главного корпуса в жестяных ковшичках.

Поглощенный своими ассистентскими обязанностями, трудностями быта, вольными-невольными поездками в деревню то за картошкой, то за лягушками, я в то же время с любопытством наблюдал, как А. А. Заварзин, А. И. Луньяк, А. А. Рихтер, Д. М. Федотов и несколько других профессоров совершенствовали лаборатории и создавали новые, как подбирались кадры не только из других городов, но и в самой Перми. Здесь на месте были привлечены несколько врачей, в том числе имевших степень доктора медицины, что давало возможность брать их на доцентуру или профессуру. Алексей Алексеевич считал, что Пермский университет тем перспективен, что обоснован географически, на пересечении железной дороги и водной артерии, на отрогах промышленного Урала, поэтому очень важно включать в состав университета всех пригодных для работы в нем местных людей. Из местных ученых я помню профессора В. М. Здравомыслова; бактериолога; доцента при кафедре нормальной анатомии хирурга И. А. Синакевича, позднее профессора Иркутского медицинского института, и некоторых др.

Медицинский факультет, по сравнению с другими, был самым громоздким, многочисленным и трудоемким (клиники, ординаторы и т. д.). Правда, в Перми исстари было несколько крупных лечебниц, как, например, огромная окружная психиатрическая лечебница и ряд других. Все это составляло базу для создания медицинского факультета, но тем не менее это несколько раздражало другие факультеты, меньшие по числу профессоров и преподавателей и, как кажется, несколько обеспокоенные «опухолевым» ростом медицинского, первым деканом которого был А. А. Заварзин. Последний нервничал, радовался, кипятился, спорил, ссорился. Должен сказать, что по темпераменту А. А. Заварзину был полетать А. И. Луньяк (химик-органик), необыкновенно легко взрывающийся, блестящий по остроумию, умению ориентироваться в обстановке, обладавший совершенно феноменальным знанием всех писанных и неписанных законов и поражавший на заседаниях Ученого совета даже юристов этими знаниями. Не менее темпераментным был и сдержанный внешне то холерический и раздражительный, то необыкновенно обаятельный в обращении А. А. Рихтер, приехавший в Пермь из Петроградского университета на кафедру физиологии растений. Рихтер поражал размахом своих организационных мероприятий. Им была создана большая лаборатория по физиологии

растений, подобран прекрасный состав преподавателей. Позже он проявил себя превосходным организатором и руководителем как ректор Пермского университета. Эта тройка — Заварзин, Луньяк и Рихтер — представляли собой своеобразную «могучую кучку» натуралистов Пермского университета. Когда они работали дружно, они могли делать чудеса. Когда же они ссорились, то это производило впечатление драки слонов, при которой гибнет трава. Что касается А. А. Заварзина, то мне вспомнились слова В. Н. Беклемишева, в то время еще доцента на кафедре Д. М. Федотова, что с А. А. Заварзиным совершенно невозможно ссориться, что это замечательный человек. Однако споры и ссоры А. А. Заварзина всегда имели основой заботу о деле. Он работал во имя идеи, но совершенно неверно то, что его якобы не интересовали люди. Если бы он был безразличным к людям, то он никогда для многих не сделал бы так много доброго, никто бы его никогда не любил.

Несмотря на всяческие трудности, большую трату времени на подготовку к лекциям (к ним Алексей Алексеевич готовился всегда подолгу), в то же время он начал систематический просмотр своих препаратов по брюшному мозгу личинки стрекозы. Еще в Нижней Курье на биологической станции он готовил дополнительные серии брюшной цепочки к приготовленным ранее в Петрограде.

К концу декабря 1918 г. Пермь заняли белые: через нашу голову перекатился фронт, отрезавший нас от Москвы, Петрограда и близких. На улицах Перми появились какие-то французы в беретах, военные в английской форме. Часть студентов была мобилизована. Вскоре погиб молодой ботаник, студент В. М. Федотов. Помню, как мы нашли Валерьяна Федотова в покойницкой городской больницы среди других, привезенных с фронта. Он лежал весь заросший, с длинными, как у дьякона, волосами. На похоронах многие из нас плакали — нельзя было удержаться от слез при виде этой бессмысленной гибели в тягостной братоубийственной войне. Грохот пушек, отодвигавшийся от Перми все далее и далее на запад, месяца через полтора стал возвращаться. Однако лишь весной фронт снова вернулся в Пермь, и по приказу чехословацкого генерал-лейтенанта Гайда (много лет спустя его фамилия появилась в числе сподвижников Муссолини) началась эвакуация всех учреждений Перми. На университетский двор были привезены доски, стружки и было велено все срочно упаковывать. Подробностей не помню, но, к счастью, все университетское имущество осталось на месте и было распаковано по уходе фронта на восток. Ящики не повезли, по всему университетскому личному составу было предписано пешком отступать из Перми на восток. А. А. Заварзин захватил с собой свои препараты по нервной системе, взял коробочку своих препаратов и я. На станции Ляды нас посадили на открытые платформы (кажется, это было в первой половине июня) и мы поехали в неизвестность. Сначала нам объявили, что нас везут до Екатеринбурга. Там на вокзале меня поразила картина: рослый, рыжий английский солдат бросал кусочки шоколада

ребятишкам (из поезда эвакуированными), и они подбирали эти кусочки. Потом нас повезли дальше, как объявили нам, до Тюмени. Открытую! платформу, на которой мы сидели, засыпало углем из паровоза, мне засорило глаз, он опух. Ехали мы, сидя на каких-то брусках и досках, которые тоже «эвакуировались» куда-то в Сибирь.

В конце концов нас привезли в Томск. В Томске пришлось жить сначала в здании патолого-анатомического института. Потом я поселился вместе с В. Н. Беклемишевым и Е. С. Данини на квартире у местного врача-невропатолога. Осенью профессора и преподаватели Пермского университета начали преподавать не только горсточке собственных студентов, но и студенчеству Томского университета. Алексей Алексеевич сидел в гистологической лаборатории старика Часовникова, в той самой лаборатории, которую когда-то основал учитель А. А. Заварзина Александр Станиславович Догель. Алексей Алексеевич упорно занимался просмотром и протоколированием препаратов брюшного мозга личинки стрекозы. По мере того, как приходили известия о приближении фронта и Красной Армии, Алексей Алексеевич приходил в бодрое настроение и подсчитывал, сколько гинглиев он успеет рассмотреть и запротолировать до прихода советских войск.

Несмотря на трудную обстановку в университете, ухудшающееся снабжение, крайнюю перегруженность города ранеными, беженцами, германскими военнопленными, морозную зиму, затруднения с топливом, полную оторванность от России, недовольство местного населения беженцами, обозы с трупами сыпнотифозных, нарастающий развал и дезорганизацию колчаковского тыла, тяжелую семейную обстановку Алексей Алексеевич много и плодотворно работал.

Сам я в это время с трудом написал свою первую статью вернее, ее черновик. В библиотеке Томского университета была литература за старые годы, я смог прочитать и законспектировать ряд работ.

В декабре в городе вспыхнуло восстание против колчаковских властей, и очень быстро была установлена связь Пермью. Алексей Алексеевич сообщил нам о том, что Перми получен запрос от облисполкома о местонахождении личного состава университета и профессуры и о возможности скорейшего возвращения в Пермь. Как выяснилось, профессора и преподаватели Пермского университета, находившиеся за фронтом и вернувшиеся из командировок в Пермь, возобновили работу в труднейших условиях, читая каждый по несколько разных курсов. К работе в Перми были привлечены и новые преподаватели из студентов, наиболее способных и энергичных.

В Пермь первыми поехали А. А. Заварзин, профессор Д. М. Федотов и, кажется, В. М. Здравомыслов. По дороге Д. М. Федотов заболел сыпным тифом в тяжелой форме, Алексей Алексеевич за ним ходил, а самое главное, каким-то образом сумел довести его до Перми, вероятно, обманом, так как ссаживали с поездов не только сыпнотифозных, но и сопровождавших их.

Таким образом, реэвакуацию ассистенты Алексея Алексеевича провели без него. Всем хотелось побыстрее вернуться в Пермь. Однако не хватало железнодорожных составов, на железной дороге свирепствовал по-прежнему сыпной тиф. Не было и продовольствия. Наконец, в марте мы начали погрузку в теплушки. Они были предварительно прокурены для дезинфекции серой, щипало нос сернистым газом. У некоторых из профессоров был довольно большой скарб, который было некому грузить. Хорошо помню грузивших со мной Ф. М. Лазаренко, профессора И. М. Виноградова (ныне академика), всегда отличавшегося огромной силой. После этой погрузки я в течение нескольких дней с трудом разгибал спину. Наконец, примерно 20 марта мы двинулись в путь. Миновали станцию Тайга и эшелон постепенно пополз на запад. Стояли свирепые утренники— 25—35 градусов мороза и холодные ясные ночи. Днем было много солнца, снег обтаивал около рельс и шпал, по всему пути встречались занесенные снегом, замороженные и брошенные эшелоны, сцепленные головами и задними концами паровозы. В Омске мы долго стояли на сортировочной станции, мост через Иртыш был взорван, вагоны всех эшелонов, двигавшихся через Омск, приходилось по одному перетаскивать небольшим старым паровозом через Иртыш по льду, на котором была устроена, кажется, ледяная дамба и положены шпалы и рельсы. В эшелон никого из посторонних не пускали из-за боязни заражения сыпным тифом. Наконец, 20 апреля эшелон подошел к Перми-II.

В Перми нас встретили и мы сразу приступили к занятиям. Мы вели практические занятия по 5—6 групп в день и были заняты на работе с 9 утра до 11 вечера. Жили сначала в лабораториях, в том числе и я. Однажды, в мае, я заснул на столе у открытого окна и в заморозок утром, проснулся сильно простуженный: я не мог ни согнуться, ни разогнуться и имел, вероятно, очень жалкий вид. Меня вылечил Алексей Алексеевич, предписав мне выпить изготовленное им лекарство под названием «ЛАМПОПО». Это был стакан водки + 1 грамм хины + 1 грамм аспирина, после чего я был уложен под тулуп и все теплые пальто, которые сумел мобилизовать Алексей Алексеевич. На утро я встал совершенно ошалелый, чуть живой от лечения, но выздоровел сразу же.

Это была весна 1920 г. Университетские натуралисты организовали к этому времени (в 1917 или 1918 г.) общество естествоиспытателей при Пермском университете, членами и учредителями этого общества были, в числе других, и сотрудники А. А. Заварзина. Среди прочих мероприятий общество решило основать свою биологическую станцию на Соловецких островах. Меня вооружили какими-то бумагами, в числе которых было обращение к настоятелю Соловецкого монастыря, подписанное тогдашним президентом общества, химиком Залькиндром. В детстве, когда мы с отцом путешествовали по северу и заехали на Соловецкие острова, отец показывал мне здание, которое занимала биологическая станция Петербургского общества испытателей, впоследствии выдворенная оттуда, кажется, по требованию духовенства. Залькинд был еврей, и мы очень часто смеялись

над его обращением к православному духовенству. Я доехал летом до Архангельска, но там тяжело заболел, отравившись какими-то консервами, оставшимися от англичан-интервентов, и полуживой уехал оттуда, так и не попав на Соловки,

Начался 1920/21 учебный год. А. А. Заварзин, будучи деканом на медицинском факультете, много хлопотал о новых клиниках, вел бесконечные переговоры со здравотделом и другим начальством по поводу помещений «на базе больниц», оборудования, медперсонала и т. д. Вскоре Заварзины переехали из квартиры в главном корпусе на Заимке в малый «минералогический корпус» на второй этаж.

Я поселился на мансарде этого же малого корпуса вместе с П. Г. Светловым и Д. Е. Харитоновым. Лазаренко и Данини жили на мансарде главного корпуса. Бедный А. Я. Колычев не вернулся из Сибири. Еще в Томске у него начался туберкулезный перетопит, он был отправлен на лечение на Алтай и скончался в Бийске летом 1920 г.

В это время Алексей Алексеевич занимался работой над центральной нервной системой артропод, просматривая и протоколируя многочисленные серии препаратов, в значительной степени изготовленных ранее, частью еще в Петрограде. По своей живости и общительности он часто звал нас к себе, показывая наиболее интересные и красивые.

В январе 1921 г. я поехал с А. А. Заварзиным в Москву по поводу добывания оборудования для медицинского факультета и клиницистов. В Москве мы жили в замороженном доме при температуре от 0 до 3 градусов тепла и очень мерзли. Вдобавок, меня угораздило где-то поскользнуться и так хлопнуться оземь, что пришлось косынкой забинтовать руку, и я был не столько помощником, сколько обузой. Закончив дела в Москве, мы отправились в Петроград. Предстояло перевезти в Пермь на кафедру гинекологии и акушерства профессора Курдиновского, жившего в то время на Пороховых, где он работал в местной лечебнице. Я ходил туда пешком от Дома ученых, где остановился, помогал Курдиновскому паковать его скарб и библиотеку, затем шел с Пороховых на станцию Ржевка, где должна была быть погрузка вещей в вагон и т. д. Петроград в то время был занесен снегом, холодный, темный. Тогда же, по поручению Л. А. я посетил профессора Военно-медицинской академии А. А. Максимова в связи с закупкой у него гистологической лабораторией Пермского университета комплектов иностранных научных журналов. Как я понял впоследствии, Максимов ликвидировал свое имущество в связи с отъездом за границу, куда он вскоре эмигрировал.

Необыкновенно тепло и по-отечески радушно встретил меня А. С. Догель, которому Алексей Алексеевич, по-видимому, похвалил меня. «Старый» Догель жаловался на трудную обстановку в анатомо-гистологическом кабинете, именно на отсутствие дружбы между его помощниками и старыми учениками-профессорами А. В. Немиловым и Д. И. Дейнекой, и со слезами на глазах говорил о талантливости и совсем

особенных душевных качествах А. А. Заварзина. «Был еще у меня Третьяков, да вот бросил, уехал», — добавил Догель (Д. К. Третьяков — позднее академик АН УССР). Весной 1921 г., несмотря на трудности с продовольствием и одеждой, я, подбадриваемый Заварзиным, работал очень много и добился определенных успехов. Спал я в течение 2—3 месяцев по 4—5 часов, а то и меньше. В этом же году были первые неврологические доклады Алексея Алексеевича, которые были проиллюстрированы не только препаратами и пояснительными рисунками, но и превосходными стенными таблицами. Эти пояснительные таблицы были очень красивы, я бы сказал, неотразимы. Это даже дало повод любителю позубоскалить доценту Д. А. Сабинину в шутку съязвить, что в них чуть ли не больше эстетики, чем науки, за что он был тоже в шутку, но довольно изрядно бит. Примерно и это время произошел трагикомический эпизод, связанный с моим отказом делать сообщение о результатах своей работы (мне казалось, было еще рано). Алексей Алексеевич сначала стал шуточно бить меня, а потом мы начали бороться с ним, как-то вышло так, что я повалил его, и у него лопнули поперек на обоих коленках новые, только что сшитые из очень хорошего дорогого материала, брюки. Он встал страшно рассерженный, ушел к себе в кабинет, захлопнув дверь.

Весна 1921 г. мне памятна многим. Двигалась вперед (наконец-то!) собственная научная работа. Приступили к посадке картошки (раньше не догадывались...). Всем были выделены участки, Заварзиным, по их многосемейности, довольно большой. Алексей Алексеевич работал на огороде, не покладая рук, с увлечением, характерным для него, когда он брался за что-нибудь основательно. Впрочем, я тоже посадил картошку и очень удачно, она дала большой урожай.

Лето 1921 г. я провел в Вельске Архангельской области у отца, куда увез с собой ящик с личинками жуков-носорогов, из которых наделал серию удачных препаратов.

Вскоре Алексей Алексеевич оставил деканство медицинского факультета и был назначен деканом биологического. Около этого же времени был основан биологический научно-исследовательский институт при Пермском университете, первым директором которого был профессор Б. Ф. Вериго. В состав института, работавшего на базе биологических лабораторий университета и биологической станции в Нижней Курье, наряду с другими биологами вошли и все ассистенты А. А. Заварзина.

Институт вначале не имел никакого печатного органа. Однако вскоре появились первые Бюллетени и вот с чего это началось. Как-то в комнате у Ф. М. Лазаренко собралось несколько человек биологов, в том числе только что вернувшийся из поездки к Москве ассистент по кафедре нормальной анатомии, позднее профессор-хирург Военно-медицинской Академии в Ленинграде, В. Г. Вайнштейн. Он привез с собой какие-то журналы, кажется, «Лапоть» или какой-то другой

юмористический журнал, вроде нынешнего «Крокодила». Зашла речь о том, почему бы и нам не печатать хоть что-нибудь? Биологический институт стал хлопотать перед облисполкомом о выпуске Бюллетеней, и летом 1922 г. был сверстан и вскоре вышел первый номер, в котором были помещены наши краткие гистологические статейки. Этот первый выпуск стоил А. А. Заварзину невероятных хлопот, но впоследствии тонкие в голубой обложке выпуски этого Бюллетеня получили широкое распространение не только в СССР, но и за границей, откуда в обмен стало поступать много разнообразной литературы.

Приблизительно к этому времени относятся разногласия, возникшие среди профессуры биологического и медицинского, факультетов, по ряду организационных вопросов и горячие споры между группировками клиницистов и теоретиков.

В это время биологические кафедры Пермского университета по своему оборудованию могли бы конкурировать с лучшими столичными. В гистологической лаборатории было 40 учебных микроскопов, около 15 иммерсионных, серия микротомов, термостатов, значительное количество реактивов, посуды, довольно недурная справочная библиотека, а главное, дружная компания во главе с Заварзиным. Подрастали молодые специалисты, позднее ставшие преподавателями и научными сотрудниками. На кафедре зоологии у профессора Д. М. Федотова, на кафедре морфологии и систематики растений у профессора А. Г. Генкеля и на кафедре физиологии растений профессора А. А. Рихтера (впоследствии академика АН СССР) было также по 40 учебных и по 15 иммерсионных микроскопов со всем остальным оборудованием, необходимым для педагогики и научной работы. На этих кафедрах был хороший состав преподавателей. Из них следует упомянуть профессоров А. О. Таусон, Д. Е. Харитонов, члена-корреспондента Академии медицинских наук П. Г. Светлова, действительного члена Академии медицинских наук В. Н. Беклемишева, профессора Б. В. Властова — с кафедры зоологии; профессора Д. А. Сабина, А. М. Шелоумову, П. Н. Красовского и др. На кафедре растений — профессоров А. А. Рихтера, В. С. Порецкого, скончавшегося во время блокады Ленинграда, крупного специалиста по диатомеям, и доцентов П. В. Сюзева и Павского — по кафедре профессора А. Г. Генкеля.

Вскоре пришло известие об уходе с кафедры гистологии Военно-медицинской Академии А. А. Максимова. Помню, как один из клиницистов, психиатр, профессор Протопопов (позднее академик АН УССР) заявил по этому поводу, что теперь Алексей Алексеевич наверняка уйдет в Военно-медицинскую академию. Нам, его ассистентам, не представлявшим себе ни Пермского университета, ни наших лаборатории, ни самих себя без Заварзина, это показалось невероятным. Однако Алексей Алексеевич в конце концов поехал в Военно-медицинскую академию, но этому предшествовала мучительная внутренняя борьба.

И он для Пермского университета, и университет для него значили

слишком много, чтобы можно было легко решиться на разрыв. Заварзин считал себя нравственно обязанным перед теми живыми людьми, которых он собрал вокруг себя, вовлек в общее дело, заставил полюбить университет, даже тех, кто первично к нему по тогдашним условиям был довольно холоден, полюбил сам этих людей. Все это не требовало больших пояснений и всем было ясно. Но ясно было и то, что нельзя удержать человека — крупного ученого и организатора, несомненно не только имеющего все права на пребывание в большом научном центре, но и в известной мере обязанного прийти в него по всей конъюнктуре.

Были устроены проводы, таких мне не приходилось видеть, хотя в Перми, Откуда постепенно уезжали многие профессора «первого призыва», проводов было много. Алексею Алексеевичу говорились, как полагается, напутственные слова, добрые пожелания, приносились благодарности за все хорошее, сделанное им для университета, профессоров, преподавателей, для студенчества. Особенно трогательны были слова студентов, которых он очень любил, притом с полной взаимностью. Алексей Алексеевич стоял за кафедрой и плакал, как маленький ребенок. На банкете с пирогами домашнего печения, виногретами, цветами говорилось много всяких речей. Конечно, я их не помню все. В. Н. Беклемишев в своем прощальном слове сравнил Алексея Алексеевича с Биша, на что Алексей Алексеевич сконфуженно сказал, считая себя недостойным этого сравнения, что это, в конце концов, свинство», что вызвало немалый смех. А химик Луньяк сказал следующее: «Вот мы все здесь говорим, что мы понимаем, ценим, видим, желаем, предвидим для Алексея Алексеевича и т. д. и т. д. И ничего мы не знаем, и ничего не видим, и ничего мы не предвидим: просто мы все очень любим Алексея Алексеевича и желаем ему всего хорошего!»

Алексей Алексеевич уехал в Пермь совсем молодым профессором после двухлетней доцентуры в Петроградском университете. За несколько лет пребывания в Перми он не только стал одним из главных основателей Пермского университета, но и сумел в труднейшей обстановке того времени, при огромной научно-организационной и педагогической занятости, сам научно вырасти и вырастить ряд учеников. Приходится поражаться феноменальной силе его духа и совершенно несокрушимой энергии. Не останавливаясь на научном анализе его работ, отмечу лишь, что некоторые основные его научные концепции развились именно в пермский период. Нагрузка, которую он нес в то время, была бы достаточна для трех солидных и энергичных людей. Он не боялся никакой работы, даже самой черновой. Это действовало на всех заражающе, не позволило никому думать о том, обязан или не обязан он выполнять работу, не всегда интересную или легкую. Алексей Алексеевич владел одинаково хорошо всем: топором, паяльником, метиленовой синькой, деканатом, а главное — своими товарищами и помощниками. Теперь, по прошествии многих лет, когда я сталкиваюсь с разнообразными трудностями и в жизни, и в науке, всегда

вспоминаю Пермь и Заварзина.

8—10 января 1949 г., г. Ленинград

Е. А. Пермяк
ЖИВАЯ ГАЗЕТА

Значительная часть моего детства протекала в Перми. А студенческая юность целиком и полностью пермская. Началась она в годы безработицы—в 20-е, в университете существовал литературный кружок — о нем и студентах-литераторах хочется рассказать... В пермском альманахе, издаваемом на факультете, запечатлели свои имена Иван Панов, Яков Шварцман, Григорий Колчанов, Шубин, Красильников, Елена Вечтомова и другие под инициальными псевдонимами. Не все они стали литераторами, как и не станут те, кто сейчас пишет в ПГУ... Но ведь и не всякий, скажем, играющий на рояле, становится профессиональным музыкантом. Музыка, впрочем, как и всякое искусство, нужна не только для театра оперы и балета, но и для облагораживания своей собственной души и па радость своим друзьям. И больше того, самодеятельное искусство постепенно стирает грани с профессиональным искусством и кто знает, может быть, эти грани исчезнут окончательно. Диву даешься, когда ученый, политический, государственный деятель, колхозники, рабочие создают произведения, которым могут позавидовать профессионалы от искусства и литературы. Главное, не терять веры в себя и не бояться вставать на трудный путь. Никогда никому не надо бояться, что его основная профессия заглушит драгоценные ростки искусства или литературы. Этого не бывает. Этого не может быть. Жизнь показывает, что рабочие становятся Лемешевыми, учащиеся ПТУ — писателями, агрономы — музыкантами. Сама природа нашего социалистического отечества такова, что не затеряется ни один талант, даже бледный проблеск его...

Теперь о ЖТГ. Пермская живая газета родилась в 20-е годы, и ее матерью была редакция газеты «Звезда», а отцом—Пермский университет. А возникла живая театрализованная газета из громких читок «Звезды» студентами, главным образом педфаковцами. Читать «Звезду» хотели многие— и те, кто был малограмотен или начисто неграмотен, поэтому и возник институт так называемых громких читчиков.

Первой пермской ЖТГ была газета под названием «Рупор» клуба коммунальников, ее близнецом оказалась газета Пермского университета «Кузница». В этом смысле и сам университет ковал новые пролетарские кадры интеллигенции.

Редактором «Кузницы» был агрофаковец Алеша Петров, а я был руководителем-инструктором или в переводе с жив-газетного на

протеатральный язык — главным режиссером-постановщиком.

Живая театрализованная газета от печатной и стенной отличалась в основном средствами «воспроизведения» газетного материала. А главным средством была театрализация.

Материал ЖТГ, от передовой хроники, фельетона до объявлений, «разыгрывался» в лицах, т. е. «театрализовался».

Живгазетчики Пашии беседуют с членом редколлегии ЖТГ Иваном Вахоиным

Иногда было устное чтение, какое теперь мы видим на телеэкране, а иногда (чаще всего) он исполнялся в виде сценок куплетов, частушек с пляской и т. д.

Выпуск номера (или выступление) «Кузницы» в университете было сенсацией. Во-первых, это была сама «злободневность». Во-вторых, смелость, а иногда и беспощадность критики. И наконец — зрелище! Речитатив, Пение. Танцы., даже в некотором роде акробатика и, само собой музыка. Иногда небольшой оркестр.

И если в университете на выпуске ЖТГ было теснее тесного в зале, то можно себе представить, что делалось на выездных выпусках ЖТГ. Ее добивались. Требовали чуть ли не через окружком.

Редакция тогда помещалась на последнем этаже теперешней библиотеки им. Пушкина на углу улиц Маркса и Коммунистической. Кто же стал редакционным и авторским ядром ЖТГ? Студенты университета. Не считая вашего покорного слуги, назову Якова Шварцмана, Елену Вечтомову, Ивана Первухина, Льва Левина и др. А тираж ЖТГ мы издавали журнал как методическое пособие, в котором печатали и тексты выступлений, и методические рекомендации) поднялся до неслыханных размеров — десяти тысяч экземпляров.

В. Маяковский в Перми просматривает свежий номер ЖТГ, Фото П. Половодова

Среди посетивших нашу редакцию нельзя не вспомнить Марию Ильиничну Ульянову и Владимира Маяковского.

Маяковский произвел на меня ошарашивающее впечатление. Это был великан, великан и по внешности. Читал громко, просто, доходчиво, по моему, даже снимал пиджак на сцепе, клал трость на стол. До его приезда была длинная афиша вокруг тумбы— МАЯКОВСКИЙ... Один на один с Маяковским в Перми я не встречался., а встретился наш фотографический агент в Перми —Павел Полеводов, Я ему сказал: «Пашка, умри! Лишу тебя всяких гонораров, если не снимешь Маяковского, читающего живую театрализованную газету, держащего в руках. Пашка, это же тираж! Это наши деньги, которые надо платить в типографию...» Павлик Половодов сделал три фотографии и одну на всю обложку. Не знаю прибавился ли тираж, но думаю, не убавился. Посещение Маяковским Перми было большим событием, выступлении было несколько, в частности в университете, в помещении агрофака, а аудитория — главным образом студенты...

В общем дело ЖТГ было поставлено широко — пели наши песни не только в Перми, но и в Баку, Туле, во Владивостоке и даже в Германии — куда в какой-то из политических просветов счастливо для нас просочилась живая газета в ее пермском варианте.

Март 1979 г.

Ю. Г. Митрофанова
БЕСЦЕННЫЙ ВКЛАД В НАУКУ

Немногие в университете помнят замечательного ученого и педагога профессора Владимира Николаевича Беклемишева (1890-1962), впоследствии заслуженного деятеля науки, действительного члена Академии медицинских наук СССР, дважды лауреата Государственной премии, за заслуги награжденного орденом Ленина, действительного члена Польской Академии наук.

Научные труды В. Н. Беклемишева — это энциклопедическая школа биологических знаний. Он работал в области систематики, беспозвоночных животных, сравнительной морфологии и филогенетики, зоологии

В. Н. Беклемишев (1921 г.)

и биогеоценологии, фаунистики и зоогеографии, физиологии, эпидемиологии и геоморфологии, интересовался вопросами палеонтологии.

Центральный труд В. Н. Беклемишева, за который он получил государственную премию, «Основы сравнительной анатомии» (1944), представляет собой первую в России монографию по сравнительной анатомии, закладывает основы этой науки. В ней даны пути эволюции важнейших групп животных и сравнительно-анатомические доказательства исторического единства происхождения животного царства.

Монография сразу же была переведена на немецкий, польский, румынский и другие языки.

Для В. Н. Беклемишева и всей его школы было характерным что результаты лабораторных и интенсивных полевых наблюдений перерастали в большие теоретические обобщения.

Пермский период деятельности (1918—1932 гг.) — очень важный этап в его научной биографии.

В. Н. Беклемишев приехал в Пермь из Петроградского университета молодым доцентом, пройдя хорошую школу у В. А. Догеля и других видных ученых, полный творческих планов, энтузиазма.

Однако первые четыре года пришлось посвятить почти исключительно организационной работе: укреплению кафедры зоологии беспозвоночных, Камской биологической станции в Н. Курье, заведывание которыми он принял после отъезда Д. М. Федотова, созданию Биологического института и т. д.

Научная работа В. Н. Беклемишева со студенческих лет в основном была посвящена изучению турбеляций (низших червей), их систематике, морфологии, географическому распространению. Он изучал их на Мурманской биостанции. Каспийском и Аральском морях, на Неаполитанской биостанции. По его собственному признанию, это был любимый объект его исследований. Но жизнь ставила задачи и другие, и этому пришлось подчиниться.

С именем В. Н. Беклемишева связано начало медико-паразитологических и эпидемиологических исследований на Урале. В 1924 г. в СССР была большая вспышка эпидемии малярии. Владимир Николаевич, взяв на себя руководство энтомологической лабораторией, только что организованной в Перми малярийной станцией, начал изучение экологии малярийного комара.

Как начиналась эта работа? Буквально на пустом месте, так как в литературе почти не было сведений о комаре, никто из участников в натуре его не видел. По рисункам нашли личинки, вывели из них взрослые особи, таким образом познакомились с анофелесом,

В работах В. Н. Беклемишева впервые в мировой литературе был поставлен вопрос о гидробиологической характеристике личинок, местах их обитания и распространении по элементам ландшафта, о группировке не только энтомологических, но и эпидемиологических наблюдений по типам ландшафта. Он явился создателем ландшафтной маляриологии.

Второй важнейшей теоретической концепцией было создание учения о жизненной схеме вида малярийного комара, основу которой составило представление Беклемишева о единстве организма в условиях среды. По инициативе В. Н. Беклемишева в стране создается фенологическая служба (более 400 малярийных станций и пунктов наблюдения), которая дала возможность установить точные календарные сроки обработки водоемов и дневок анофелеса в различных местностях, что позволило существенно сократить расходы государства на противомаларийную службу. В годы Великой Отечественной войны Владимир Николаевич организует борьбу с малярией в районах расположения некоторых частей Красной Армии, выезжает в Иран для организации этой работы, позднее — в Индию.

Малярия в нашей стране ликвидирована! В этом блестящем достижении советского здравоохранения велика роль В. Н. Беклемишева и его учеников. Недаром правительство присвоило ему второе звание лауреата Государственной премии.

В Перми В. Н. Беклемишевым написан ряд классических работ, в частности монографию «Основные понятия биоценологии», содержащую важнейшие теоретические положения. На Камской биостанции по плану

Владимира Николаевича проводятся обширные исследования, статистические изучения биоценозов Камской поймы. Выполняют эту работу В. П. Баскина, О. П. Фридман, И. А. Четыркина, К. Н. Игошина. Все эти работы, получившие широкую известность в СССР и за рубежом, дали огромный фактический материал для создания биоценологической теории. Позднее биоценозы стали предметом научного интереса и паразитологов. Сейчас проблема природной очаговости болезни решается на основе познания закономерностей жизни и развития биоценозов.

Биоценологические и гидробиологические исследования были организованы Владимиром Николаевичем в Троицком заповеднике Пермского университета, в Курганском округе, в Кустанайской области, на верхней Каме и нижнем Иртыше. Беклемишев положил начало и ихтиологическому направлению в Пермском университете.

Беклемишев не был кабинетным ученым. Он тратил много энергии и сил на воспитание молодежи. Его основной педагогический прием — вовлечение студентов в серьезные коллективные научные исследования. В Перми он читал курсы зоологии позвоночных и беспозвоночных животных, основы рыбного хозяйства, позднее, в Москве — курсы сравнительной анатомии, биоценологии, медицинской энтомологии и другие для слушателей Института усовершенствования врачей, зарубежных специалистов и т. д.

Лекции Владимира Николаевича были своеобразны. Они представляли собой рассуждения вслух, носили философский характер. Слушатели как бы присутствовали при творческом процессе рождения научной мысли, были свидетелями того, как масса фактов обобщается, иллюстрирует положения научной теории.

С момента, когда Владимир Николаевич стал директором Камской биостанции, студенты получили туда свободный доступ. Это было замечательное время, хотя и были тяжелейшие условия, почти не было оборудования. Было холодно и голодно. Но работали увлеченно, без жалоб на трудности, иной раз с девяти утра до полуночи. Владимир Николаевич был рядом всегда, умел подбодрить шуткой, заражал своим энтузиазмом, неутомимостью. Это был интересный, увлекательный исследовательский труд; общение с большим ученым, безудержное веселье в часы досуга (игра в городки, лапту, горелки, купание, интересные экскурсии в окрестностях города и т. д.).

В 20-е—30-е гг. полевая работа была сопряжена с большими трудностями. Участники экспедиций терпели большие лишения: плохо питались (иногда варили суп из ястреба — и это было очень вкусно!), делали многоверстные переходы под дождем, под палящим солнцем, в раскаленных песках Кара-Кумов, болели малярией и кишечными болезнями. Владимир Николаевич был всегда бодр, спокоен, безропотно, наравне с другими участниками переносил все бытовые невзгоды. Однажды, тяжело больной, он скрыл от коллег свою болезнь и работал как всегда.

В экспедиции особенно ярко проявлялись его душевные качества:

героическая жертвенность, благородство, исключительная доброта, необычайная скромность. Примером последнего, может служить его неизменный отказ подать на конкурс в действительные члены Академии наук СССР. Он считал, что более достоин занять это место другой профессор, которого он считал своим учителем.

В. Н. Беклемишева отличали широкий кругозор, высокая культура, что во многом определило и его плодотворную научную деятельность. Он прекрасно знал математику, философию, историю, литературу, был знатоком архитектуры, скульптуры и живописи. Хорошо знал латинский и греческий языки, свободно владел английским, немецким, французским и итальянским языками. В часы досуга любил писать стихи.

Владимир Николаевич очень любил детей. В 20-е гг. он организовал нечто вроде литературного кружка с детьми профессоров Д. В. Алесеева, Ю. Н. Верховского и А. Г. Генкеля, издавал рукописный журнал «АРКТУР», в котором сотрудничал наряду с малышами, сочиняя романтические баллады и поэмы.

Всякий, кто работал или просто общался с В. Н. Беклемишевым, не может забыть этого талантливого, яркого, удивительно раннего человека.

Январь 1966 г.

Л. М. Гремницкая
ПИШУ о КОМСОМОЛЬЦАХ...

Самое романтическое время, на мой взгляд, в истории комсомола — 1920—1929 гг.

Тогда актуальными были вопросы пролетаризации вузов, создания рабфаков, использования буржуазных специалистов, связи науки с производством — обо всем этом я и хочу рассказать.

Я рано вступила в комсомол, с 15 лет уже работала депо станции Кушва, где была принята в кандидаты партии. Состояла членом комсомольской ячейки мартеновского цеха.

Поступать в университет в Пермь мы приехали по комсомольским путевкам. Не верилось: из глубокой провинции неужели мы будем студентами? Политически мы были подкованы неплохо: читали работы Ленина, готовили доклады, проводили политбои, занимались ликвидацией неграмотное! А вот знаний — не хватало!

Приехали, помню, было очень холодно. Сначала (из-за временного отсутствия мест в общежитии) поселили нас церкви недалеко от Камы. Постели не дали, устроились столах, на скамейках, кто в пальто, кто в шубе, многие были в лаптях. До экзаменов и до зачисления в университет выдали нам хлебный паек.

Бюро ячейки ВЛКСМ педфака (1928 г.)

По комсомольской путевке я была направлена на фармацевтическое отделение медфака, после реорганизации университета я перешла в педагогический институт. Но до 1931 г. жила в общежитии медицинского института – мы называли его «централка», а было еще одно: «Ленинка», находившееся у Камы.

Хорошо помню нашу жизнь! Как мы учились! III съезд комсомола и ленинский наказ учиться — вот что вошло в нашу жизнь. Выражение «грызть гранит науки» стало девизом!

Мы бегали в клиники и лаборатории на Заимку четыре километра — иначе замерзнешь. И не выходили из лабораторий пока нас не выгоняли.

Трудно было с книгами, учебниками, учебными пособиями. Но была удивительная атмосфера самоотверженности, изобретательности, энергии в те далекие годы. В библиотеке брали книгу на 10—15 человек и читали ночами. Учебники носили с собой везде.

Помню, был один профессор, который сомневался в наших способностях, страшно волновался, что его не поймут, «умрут от скуки». Но когда он начал говорить, он был поражен – аудитория замерла, все внимательно слушали. После он говорил, что «таких слушателей, такой аудитории он еще не видел». О профессоре Пичугине Павле Ивановиче все говорили с восторгом. Пичугин любил всех студентов. Кто не знал «папочку» и «мамочку»? — так звали студенты Пичугиных. «Мамочка» кормила всех студентов, приходивших к «папочке» сдавать зачеты. Она ходила к ректору Стойчеву и требовала помочь получить стипендию многим ребятам (провалившим экзамен), требовала хорошо топить в общежитиях.

Помню, профессор Шмидт дружил со студентами. «Хватайте, говорил, жизненный опыт», а перед смертью—«Помните старика-идеалиста, который любил Вас...». Я хочу подчеркнуть, что были великолепные специалисты старой школы. Преподавал у нас и профессор Парин Василий Петрович. Однажды был такой случай. Студенты-новички пошли на Каму, Видят — сидит старичок: Просят его подвезти на ту сторону реки. Старичок живо смотал удочки и повез ребят на другой берег. Ребята достали деньги и

подают ему, а в ответ: «Не нужны мне ваши деньги, я больше вас в три-четыре раза зарабатываю». «А кто вы?» — «Я профессор Парни, скоро встретимся на кафедре госпитальной хирургии», нужно ли говорить, как смутились ребята. В университете об этом знали все, этот случай ходил как анекдот. Василий Петрович всегда первым здоровался с теми, кто не понимал, что надо здороваться.

Стойчев – ректор ПГУ – общался с Луначарским, ездил к нему зачитывал нам директивные письма Ленина к Луначарскому, смысл которых заключался в том, что характерной чертой обучения и воспитания нашей интеллигенции должна быть связь науки с производством. И мы с новой волной энтузиазма начинали работать. Прикрепляли студентов к Уралсепаратору, к мотовилихинскому заводу, заводу № 19. Это был ответ наш Ленину. Счастливое время!

Мы были «жадными» на все новое, интересное. Работая на железной дороге, получали деньги за погрузку и выгрузку. Тяжелейшая работа, зато покупали билеты в театр, слушали много раз Козловского, когда он выступал в труппе пермского театра, чаще, правда, на галерке, иногда разрешали сидеть на лестнице при входе в зрительный зал. Слушали Мухтарову, Лемешева...

Маяковский и Блок были настоящими звездами нашей молодости. В 1928 г. Маяковский выступал в здании агрофака. Помню, как он читал «Во весь голос». Но часть молодежи принимала Маяковского недоброжелательно. Так, помню на встрече раздавались такие реплики: «Маяковский, вы не нравитесь моим товарищам как поэт». На что Маяковский отвечал: «Плохие ваши товарищи!».

«Вот Белый сомневается в Вас как в поэте...»

«На то он и Белый, покраснеет поймет», — был ответ.

Что-то бормотали стоящие за спиной, слышалась возня., по мы пробрались к сцене и, обратись к залу, скандировали: «Ура! Маяковскому-лучшему поэту нашего времени!» Зал подхватил. Но споры продолжались и в общежитии, дело даже доходило до драк. Но кончилось полным признанием Маяковского!

Блока признавали все. Его стихи читали под музыку (это называлось мелодекламацией). Христа прощали, понимая, что это символ...

Тогда говорили: все для будущего, все для революции. Революция, нам казалось, будет скоро во всех странах, жадно ждали ее, мечтали о том, что наша страна будет индустриальной, восторгались планом ГОЭРЛО, знали, что деревня будет как город. Ради этого мы не щадили себя, любое дело брались с радостью.

1980 г.

С. Ф. Николаев
ЛЮБИМЫЙ ПРОФЕССОР

Интересы общества у Александра Германовича Генкеля, профессора Пермского государственного университета, одного из его основателей, всегда находились на первом плане.

Зимой 1927 г. в главном корпусе университета возник пожар, под угрозой оказались кабинеты, лаборатории. Первым из научных работников, прибежавших тушить огонь и спасти оборудование, был Генкель. Двое суток, промокшие, продрогшие, боролись они со стихией. Пожар был ликвидирован, но Александр Германович окончательно подорвал свое и без того сильно расшатанное здоровье. Вскоре вместе с другими работниками университета Генкель поехал по городам и районам Пермского округа существовавшей тогда Уральской области собирать пожертвования па восстановление высшего учебного заведения в Перми. А затем последовал роковой конец: Генкель слег, слег первый раз в жизни, и не встал. Сердце отказалось работать — 9 апреля 1927 г. Александра Германовича не стало.

Весть о кончине уважаемого, любимого профессора болью отозвалась в сердцах уральцев. Похороны Александра Германовича Генкеля оказались многолюдными. Свыше пятнадцати тысяч, человек провожали его в последний путь. За гробом шли коллективы университета и техникумов, рабочие Мотовилихи, Шпагинских железнодорожных мастерских (ныне мотовозоремонтный завод имени А. А. Шпагина), Уралсепаратора (ныне производственное объединение Пермский машиностроительный завод имени Ф. Э. Дзержинского), представители различных общественных организаций.

В день похорон А. Г. Генкеля, 12 апреля 1927, пермская газета «Звезда» писала: «...Есть два типа ученых. Одни... работают, отгородившись от современности и ее иногда докучных требований высокой стеной, и находят удовлетворение и оправдание своей жизни лишь в чистой науке. Другие, живее и непосредственнее ощущающие связь с окружающим, не могут уйти из жизни... Находя сами величайшее удовлетворение в знакомстве с чудесными... завоеваниями науки, они горят желанием поделиться своими знаниями, стремятся ввести возможно больший круг людей в тот мир, в котором Они сами живут и работают. Наш покойный друг и товарищ А. Г. Генкель был ученым этого второго типа...»

...С самого начала его научно-педагогической деятельности и до последних дней жизни рабочая аудитория была для него местом, где он всегда с особенной охотой и особенной любовью выкладывал свои знания...»

Простота в обращении, отзывчивость, доброта были характерными чертами профессора Генкеля. Пермские рабочие запросто приходили к нему на квартиру и нередко за чашкой чая беседовали с ученым о своих насущных нуждах.

Когда Генкеля просили принять участие в том или ином мероприятии, он не смел отказаться. Александр Германович принимал горячее участие в судьбе обиженных и обездоленных вместе с тем был непримирим по

отношению к тем людям, которые этого заслужили. При всей мягкости характера Александр Германович был тверд и принципиален, не терпел сделок с совестью.

Генкель был ярким противником слепого преклонения перед авторитетами, ненавидел соглашательство, открыто, во всеуслышание, заявлял о своих взглядах. В этом отношении показательно его выступление на Международном ботаническом конгрессе в Вене в 1904 г.

Немногочисленной была делегация русских ботаников на этом конгрессе, а из ботаников Петербурга присутствовали только двое: профессор И. П. Бородин и приват-доцент А. Г. Генкель. По вопросам систематики растений тон задал немецкий ботаник Адольф Энглер. Его сообщение о разработанной им системе растений явилось, вспоминая впоследствии Генкель, «не докладом, а буквально приказом по войскам». Энглер считал, что предложенная им система эволюции высших растений безупречна. На конгрессе царила атмосфера слепого преклонения и молчаливого согласия с авторитетами. Но вот среди сотен делегатов нашелся ботаник, который после безапелляционного доклада «корифея науки» категорически заявил, что можно подойти к вопросу и с другой стороны. Возражение Генкеля «самому» Энглеру произвело впечатление скандала.

Многие поражались исключительной трудоспособности Генкеля, удивлялись, как он успевает так много сделать. В течение дня его видели и лектором в аудитории, и исследователем в лаборатории, и консультантом в окрисполкоме... Вечером Генкель спешил с лекциями к рабочим либо шел со своей семьей в театр, либо читал дома, в семейном кругу.

Александр Германович очень любил театр. В Перми всегда брались билеты на всю семью (восемь человек). Редкая новая постановка оказывалась не просмотренной семьей Генкеля. Как-то в 1926 г. попал Генкель в Свердловск. Днем — дела, а вечером — театр. За пять дней прослушал пять опер; «Севильский цирюльник», «Садко», «Хованщина», «Снегурочка», «Самсон и Далила».

Редкий день проходил без того, чтобы Александр Германович не брал в руки то или иное художественное произведение. С увлечением читал он Романа Роллана, зачитывался произведениями великого индийского писателя Рабиндраната Тагора, читал и перечитывал «Сестер» Алексея Толстого. Интересовался Генкель историческим романом, мемуарами, особенно воспоминаниями дипломатов. Не приходится уже говорить о том, что он был в курсе всех новинок по своей специальности.

Александр Германович Генкель был примерным семьянином.

«Не красивыми словами, а делами доказывал отец свою любовь к жене, — вспоминает дочь Генкеля, Мария Александровна — Он стремился оградить жену от материальных забот выполнял всю тяжелую физическую работу, был неизменным, преданным другом, советчиком. Никогда не знала мать мук ревности, никогда не имела никаких подозрений.

Детей отец любил безумно, но не выносил непомерного баловства.

Никогда не повышал на детей голос, всегда вел определенную линию, доводя то или иное требование до конца.

Александр Германович и его супруга Анна Алексеевна воспитывали в детях скромность, трудолюбие, любовь к Родине.

В выборе специальности сыновья пошли по стопам отца. Старший сын, Павел, стал физиологом растений, доктором биологических наук, профессором. Был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР. Младший сын, Алексей – талантливый ботаник-болотовед, доцент Пермского университета. В самом начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем в ряды Советской Армии, скончался на передовых позициях от воспаления легких.

Март 1991 г.

В. А. Некрасова ЛУЧШИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В университет я поступила в 1923 г., по командировке, как тогда говорили, от железной дороги, на которой много лет работал мой отец. К экзаменам готовилась самостоятельно и после сдачи была зачислена на первый курс химико-фармацевтического факультета.

Посещение лекций было свободное; если студент по какой-либо причине пропускал лекцию, ему это в вину не ставили, никаких регистрации посещения лекций студентами не было. Многим студентам жилось нелегко, по тем не менее они стремились распределить свое время так, чтобы начинать свой рабочий день с посещения лекции — ибо ничто не могло заменить эффект живого общения с выступающим.

Тем более если это дополнялось широкой эрудицией лектора, его умением говорить образно и доверительно, убеждать силой мысли. Например, преподаватель Тяжалов читал высшую математику увлекательно, но и глубоко, опираясь на конкретные факты. Его двухчасовые лекции проходили незаметно и легко, и казалось, что можно слушать его еще часа два без перерыва.

А профессор Э. В. Зматчинский читал лекции по химической технологии медленно, стараясь довести нас до сути, привлекал студентов к научной работе в кружках, предоставляя личную библиотеку. Профессор Н. И. Кромер читал лекции по фармацевтической и судебной химии. Он пользовался славой талантливого руководителя и принадлежал к числу выдающихся исследователей. На своих лекциях Кромер старался передать студентам свои опытные данные по исследованию лекарственных препаратов и материалы по судебным исследованиям.

Из студентов помню Мишу Серафимова, Петра Ильинского, Нину

Сергееву, Вячеслава Белова — в общем, тех, кто представлял тогда Вятское землячество, объединяющее студентов ПГУ всех факультетов, проживающих в Вятке (ныне Киров). Время было трудное, и нуждающимся студентам помогло землячество — давали концерты и спектакли, сбор с которых шел в пользу землячества. Многие студенты организовывали бригады и отправлялись на Каму, на пароходную пристань. Девушки зашивали мешки с пшеницей, а мужчины грузили на баржи. Некоторые занимались репетиторством учеников.

Общежитий для студентов тогда не было — жили в бывшем «вдовьем доме». Это простой дом с отдельными комнатами, в которых размещалось по пять-шесть человек. Многие студенты по два, три человека снимали комнаты у владельцев домов по сходной цене на учебный, год, я тоже с двумя студентками из Вятки снимала комнату у провизора.

В каникулы студенты 3 курса разъезжались на лабораторную практику в разные города, а студенты 4-го — на заводскую практику. С большим волнением вспоминаю практику в Нижнем Новгороде, когда работала с такими студентами, как Миша Попов, Евдокия Родыгина, Владимир Фаворский и Катя Меньшикова. Было чудное лето 1926 года...

Под руководством Н. И. Кромера в 1927 г. защитила дипломную работу, была оставлена старшим ассистентом при кафедре фармацевтической и судебной химии в Пермском химико-технологическом институте.

1983 г.

М. И. Прохорова

ПО ЗАДАНИЮ НАРКОМПРОСА РСФСР

В августе 1937 г. Наркомпрос РСФСР предложил ректорату Ленинградского университета рекомендовать из профессорско-преподавательского состава ЛГУ кандидатуру на должность ректора Пермского университета. Выбор пал на меня. Это было неожиданно, огорчило и встревожило меня. Во второй половине сентября 1937 г. я была вызвана в Наркомпрос...

Окончательное решение о моем назначении было принято после беседы в ЦК ВКП (б) с наркомом А. С. Бубновым и секретарем Б. М. Кедровым. Беседа носила, насколько помню, характер инструктажа. Передо мной были поставлены задачи: добиться нормальной обстановки в коллективе университета, обеспечить нормальную учебную и хозяйственную работу (местные партийные организации должны были помочь). На мой вопрос: «А если я не справлюсь — как быть?» — насколько я помню, последовал категорический ответ: «Об этом не может быть и речи, сейчас происходит

обновление кадров, трудно, по надо сделать все возможное». Кроме того; я должна была подготовить себе замену из профессорско-преподавательского состава Пермского университета.

После конференции в Грузии я покинула Ленинград и приехала в довольно прохладную Пермь в октябре. Меня встречал инспектор и кто-то из университетских сотрудников, точно не помню. Гостиница была в центре города, большая, но не уютная. Я точно не знала, сколько мне предстоит в ней прожить. В тот же день я была в университете и инспектор познакомил меня с зам. директора Д. Е. Харитоновым (в Перми слово «ректор» в то время не употреблялось, в ЛГУ – всегда ректор) и секретарем парткома Л. И. Букиревым. Они встретили меня приветливо. На следующий день решили снова собраться, чтобы обсудить только те необходимые вопросы, которые могут быть решены с помощью Наркомпроса, тем более что инспектор обещал помочь,

С А. И. Букиревым и Д. Е. Харитоновым договорились, что текущие дела следует отнести на 9—10 ноября, так как наступали предпраздничные дни 20-летия Великой Октябрьской революции. На торжественном заседании мне понравился доклад К. С. Бочкарева, как формой, так и содержанием.

В дальнейшем, работая в контакте с А. И. Букиревым и Д. Е. Харитоновым, я неоднократно убеждалась, что они были доброжелательными и порядочными людьми. Конечно, многие вопросы нами воспринимались и оценивались по-разному, но я не помню, чтобы почти за три года между нами возникали серьезные разногласия, которые мешали бы работать и объективно оценивать те или иные события. Мне кажется, это можно объяснить тем, что мы относились друг к другу с уважением, и не старались навязывать свое мнение. Мне повезло, что между нами установился полный контакт.

После праздника я решила познакомиться с главбухом (Федором Петровичем, фамилии не помню), чтобы получить представление о бюджете университета на текущий год, хотя оставалось 1,5 месяца до конца года, выяснить смету на 1938 г. и представить реальные возможности. Я обратилась к секретарю канцелярии с просьбой пригласить главбуха ко мне. Секретарь смущенно сказала, что его нет сегодня, а завтра он будет занят. Мне стало ясно, что он не хочет встречаться со мной, хотя, по существу, он сам должен был прийти ко мне, тем более что бухгалтерия находилась рядом. Д. Е. Харитонов и А. И. Букирев просили меня не волноваться, сказав, что хотя главбух и человек со странностями, по опытный работник и все будет в порядке. Одна из сотрудниц бухгалтерии рассказала о том, что когда главбух узнал, что ректором будет женщина, он был возмущен, обижен за университет и за себя. Он сказал, что найдет способ и она сама сбежит. Помню, я сказала, что если главбух действительно обеспокоен за университет — это хорошо, я, думаю, найду способ договориться и попросила А. И. Букирева, как секретаря парткома, обязать главбуха прийти ко мне со всеми документами. Наконец Федор Петрович пришел, причем был

неряшливо одет, а главное, поверх холщовой рубахи я увидела не только цепочку, но и крест, такие носили старообрядцы.

В то время у меня была приличная память, особенно легко я запоминала цифровые данные. Преподавая в школе математику, включая арифметику, я уделяла внимание устному счету, считая необходимым научить учеников считать в уме.

При обсуждении сметы я использовала цифровые данные отдельных статей и вела беседу так, что необходимо было устно считать, причем в самом простом варианте. После нескольких вопросов Федор Петрович заявил, что не может считать в уме и не обязан помнить, какие суммы отпущены по той или иной статье. В ответ я сказала, что мне говорили о нем как об опытном бухгалтере, а он не может произвести простые расчеты. Смета утверждена, и в его распоряжении было достаточно времени, чтобы запомнить основные данные. Далее я сказала примерно так: «Если вам трудно работать, стоит подумать, кого из сотрудников направить на курсы при Наркомпросе, чтобы его в дальнейшем назначить главбухом, а вы займете его место». Для него было большой неожиданностью, он был расстроен. Насколько я помню, в тот же день пришли преподаватели (три-четыре человека), сказав, что не только они, но и многие считают, что я поступила с главбухом неправильно. Я кратко повторила, как все было, а в конце сказала, что поскольку ректор несет ответственность за финансовое состояние в университете, то финансовые документы буду подписывать я.

Дня через три Федор Петрович пришел и сказал, что будет выполнять свои обязанности как следует. В дальнейшем работа протекала нормально. При моем отъезде в Ленинград он сожалел, что я уезжаю, ибо при мне он был спокоен, финансовых нарушений не было.

Мои первые встречи можно рассматривать как курьезный эпизод, но от меня требовалось много выдержки, терпения, чтобы не назревало серьезных конфликтов.

Кроме текущих дел я продолжала знакомиться с состоянием факультетов: кадры, студенты, помещения, оборудование и т. д. У меня создалось впечатление, что наиболее благополучным является биологический факультет. Из семи кафедр четыре возглавляли профессора, кроме того, при факультете была биологическая станция на Каме, где проводилась научно-исследовательская работа и летняя практика студентов.

На химическом факультете, насколько помню, было четыре кафедры, из них две возглавляли профессора. Помещения были менее приспособлены, чем у биологов, однако на факультете осуществлялась интенсивная научная и учебная работа. Часть преподавателей были связаны с химическими учреждениями, для которых нужны были химики, и факультет готовил специалистов целенаправленно.

Более сложная обстановка была на геологическом факультете, где было также четыре кафедры, но профессоров не было. Однако средний состав преподавателей (доценты, старшие преподаватели) был достаточно

квалифицированным. Некоторые из них, а также студенты участвовали в геологических экспедициях.

Совершенно неблагополучно было в Пермском университете с физиками и математиками. При том количестве специалистов и их квалификации не могло быть к речи о создании физико-математического факультета. Даже для нормальной подготовки биологов, геологов и химиков необходимы были квалифицированные преподаватели — физики и математики. В начале 1938 г. пришлось обращаться за помощью в Наркомпрос, где отнеслись с пониманием к просьбе, и во второй половине 1938 г. к нам был направлен в качестве проректора университета и преподавателя математики А. Н. Чибисов. Он закончил физмат МГУ и, насколько я помню, среди физиков и математиков Пермского университета был единственным кандидатом наук.

При ознакомлении с главным зданием университета я была удивлена, что в нем нет студенческого гардероба. Мне объяснили, что для него нет места, поэтому студенты сидели в аудиториях в верхней одежде или бросали ее где придется. Студенты, жившие в общежитиях, независимо от погоды, не пользовались верхней одеждой. В дальнейшем, несмотря на трудности, гардероб был сделан.

Решив познакомиться со студентами, я пришла в общежитие. Я предполагала, что мне будет задано много вопросов по поводу недостатков в общежитиях, в учебном процессе и т. д. Но такие вопросы задавались редко. Это, вероятно, можно объяснить тем, что большинство студентов приехали из небольших городков и поселков, где им приходилось делать все самим. Меня несколько удивило, что почти никто из студентов не изъявил желания работать и жить в Москве или Ленинграде или поехать учиться в аспирантуру и т. д. Все говорили, что хотели бы посмотреть Москву и Ленинград, однако почти все хотели работать на Урале, мотивируя это тем, что Урал — большой промышленный центр, где нужны специалисты. При этом отмечали, что необязательно работать в Перми, Свердловске, на Урале много городов, где нужны специалисты.

Зимняя сессия в общем прошла благополучно. Следует отметить, что Наркомпрос не регламентировал столь строго учебный процесс и в этом отношении работать было легче. В начале 1938 г. не успели закончить строительство студенческого гардероба, как возникла новая хозяйственная проблема — рационального использования мансарды здания. Для этого требовалась значительная сумма денег, поэтому необходимо было обратиться в Наркомпрос...

В Наркомпросе произошли изменения, к сожалению, не было А. С. Бубнова и его секретаря. Новому паркому Тюркину я кратко изложила, для какой цели нужны деньги, сказав несколько слов об истории Пермского университета и о том, в каком состоянии он находился после реорганизации университетов в 1930—1931 гг. Финотдел Наркомпроса был недоволен, что я обратилась к наркому, но я понимала, что если бы я обратилась в финотдел, то они отказали бы.

Будучи в Наркомпросе, видела два раза Крупскую. Трудно было определить, больна Надежда Константиновна или устала, но шла она медленно, и все останавливались и ждали, пока она пройдет.

В ноябре 1938 г. была проведена встреча Советского правительства с работниками вузов и учеными, я была приглашена на эту встречу. В первый день в Доме ученых с докладом выступил В. М. Молотов, а на следующий день был прием в Кремле. В Георгиевском зале было много курсантов Кремлевского училища; кто-то спросил, почему так много курсантов. Один из них, улыбаясь, сказал: «Вас охраняем»,

Стол, за которым было мое место, находился относительно близко от президиума, поэтому я запомнила несколько членов президиума. Они располагались справа налево в таком порядке: Сталин, Чкалов, Ежов, Каганович. Вначале было краткое приветствие, после приветствия — обед. Конец встречи участников с правительством, насколько я помню, проходил так: часть членов президиума (Сталин, Ежов, Каганович и др.) спустились вниз, прошли вдоль зала, при этом все вставали и аплодировали. На этом встреча закончилась.

Во второй половине 1938 г. проходила подготовка к новому учебному году. В общем жизнь в Пермском университете протекала нормально. Для меня это было важно, так как, направляя в Пермский университет, в Наркомпросе обязывали меня добиться нормализации не только учебного процесса, но и всей жизни университета.

После отпуска я вернулась в Пермь в конце апреля. Неожиданное известие — срочная мобилизация ряда преподавателей университета, включая и военные кафедры — взволновало всех. Из Пермского университета было мобилизовано 7-8 человек: А. И. Букирев, К. С. Бочкарев, Ф. Некрасов, Гусев, Попов, Титов, Г. Ф. Черелковский. Мобилизация затронула и другие вузы и учреждения Перми. Мне казалось, что А. И. Букирев из всех мобилизованных в университете был наиболее неприспособленным к военной жизни, а тем более к немедленному участию в боевых условиях, но оказалось не права. Первое письмо я получила от А. И. Букирева 16.06.39 г., оно было посвящено заботам об университете, а второе от 15.08.39 и третье, и четвертое, которые у меня сохранились, он пишет как волевой командир. Однако, когда он обращался с просьбой, то выражался в очень деликатной форме. Читая письма через 48 лет, я думаю, какие же были скромные люди. Почти одновременно я получила извещение, что погиб политрук Некрасов — он был одним из перспективных преподавателей Пермского университета.

В конце года начали возвращаться преподаватели из Монголии. Всем нужен был не только отдых, но и основательное лечение. Наибольшую озабоченность вызывало состояние здоровья А. И. Букирева. К счастью, его жена была врачом, многое сделала, чтобы восстановить его здоровье.

Из событий вне университета в учебном 1939/40 году мне запомнилось совещание, которое специально было посвящено университетам РСФСР, оно проходило в конце 1939 или в начале 1940 г. Организатором, насколько я

помню, был ВКВШ. В работе совещания принимали участие С. Кафтанов, А. Вышинский — он был в то время зам. председателя Совнаркома СССР по культуре и зав. отделом университетов Наркомпроса т. Щеголев. Совещание было необходимо своевременно, так как ставились вопросы по восстановлению и расширению университетов. Пермского университета это касалось в первую очередь. Оставалось примерно 1,5 года до 22 июня 1941 г. За этот промежуток времени университетами, в том числе и Пермским, были разработаны планы мероприятий по восстановлению и расширению, однако они не могли быть осуществлены. Лишь после войны намеченные мероприятия способствовали более быстрому развитию Пермского университета.

Наступил 1940 г., мне оставалось работать в Пермском университете 6-7 месяцев. Естественно встал вопрос, кого рекомендовать ректором из профессорско-преподавательского состава. Единодушным было мнение коллектива университета парторганизаций райкома и горкома ВКП (б) Перми — рекомендовать ректором университета А. И. Букирева.

1987 г.

И. И. Лапкин

ВОИНА — ЭТО И ЖИЗНЬ, И БОРЬБА ТЫЛА

Мы ждали, войны и были уверены в ее неотвратимости, и все же война началась неожиданно.

В этот ответственный момент первое, что сделал университет, — это отправил своих студентов и преподавателей в армию. Мобилизовали не только мужчин, но и женщин, студенток. В университете осталось всего 250 студентов, из них всего двое мужчин, имеющих серьезные болезни.

Второе — принял и разместил на своей территории эвакуированные из Москвы государственные учреждения. Самое большое здание университета было освобождено для наркомата угольной промышленности. Кроме того, университет дал приют в географическом корпусе некоторым кафедрам сельхозинститута, здание которого было занято под госпитали. Наконец, к нам, в тот же географический корпус, переехал краеведческий музей. Все коридоры второго этажа этого здания были заставлены чучелами животных и птиц. Скученность вследствие этого была потрясающая.

Третье, что мы были должны срочно сделать, — это пересмотреть и изменить учебный план, приблизив его к потребностям военного времени. Были введены новые курсы — химия взрывчатых веществ, химия отравляющих веществ, курс адсорбционных явлений; перестроены лабораторные занятия; введены в них работы по индикации отравляющих

веществ и др.

Четвертое и, пожалуй, самое главное, что нам предстояло сделать, — это в корне перестроить научную работу, временно оставив традиционно научные направления, развиваемые в Пермском университете, и обратить особое внимание на работы, имеющие оборонное значение.

Прежде всего, нужно было снабдить все многочисленные госпитали, находящиеся в Перми и области, медицинским эфиром, необходимым для сложных хирургических операций.

При кафедре органической химии была построена крупная лабораторная установка, которая получала чистый эфир, полностью обеспечив госпитали необходимым медицинским препаратом.

Особенно много поручений было от находившихся в Перми двух наркоматов. По заданию наркомата химической промышленности были разработаны образцы безжирового дезинфицирующего мыла, предложены покрытия для парашютов; по заданию наркомата угольной промышленности проводилось изучение ацетилирующего полукоксования. Одной из основных работ того времени было получение высокооктанового топлива. Образец авиационного топлива, предложенный наркомату авиационной промышленности, имел очень высокое октановое число.

Кроме того, много работ исследовательского характера выполнялось в университете по поручению партийных и советских учреждений; велись поиски медистых песчаников, был разработан технологический процесс извлечения меди из этого сырья, разработан способ синтеза одного детонатора, расшифрован состав одного из отравляющих веществ и много других работ,

Необходимо отметить, что студенты и сотрудники университета выполняли, кроме того, большую по объему чисто физическую работу: прокладывали трамвайные пути, строили распределительную горку из станции Курья, помогали колхозникам в уборке урожая, разгружали баржи с продовольствием для госпиталей, участвовали в строительстве телефонного завода. Даже трудно перечислить все виды физического труда, в котором мы участвовали в это тяжелое время. Но все выполняли без ропота, охотно, зная, что это наш вклад в победу над злейшим, какого когда-либо знала история человечества, врагом.

1984 г.

Т. А. Рубинштейн
СТУДЕНТЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

О нашем первом послевоенном выпуске говорят: студенты военных лет.

Время, что и говорить, было тяжелое, жили только верой в победу, время определяли по сводкам Совинформбюро. Как сжималось сердце, когда слышался голос Левитана: «После тяжелых кровопролитных боев наши войска оставили...». Как ликующе тот же Левитан провозглашал: «Нашими войсками: освобожден...», как грозно звучало: «Смерть немецким захватчикам!»

Каждое слово симоновского стихотворения «Убей его!» звучало как заклятие, а проникновенные строки «Жди меня» казались обращением к каждой из нас, ибо в основном учились одни девчонки. На нашем филологическом отделении было только трое юношей.

Но все же это было прекрасное время и не только потому, что мы были молоды, по и потому, что именно в такое время не было места пустозвонству, демагогии, человек проверялся делами и только делами.

Бригада общественниц университета, работавших в госпиталях

Мы не только учились. Все мы, комсомольцы, пошли добровольно работать на Дзержинский завод, делали снаряды, рабочий день наш выглядел так: с 9 утра до 2 часов — занятия в университете, с 6 вечера до 2 часов ночи — работа на заводе, на конвейере. В оставшееся время, уплотненное до предела, книги, «горьковская» библиотека (которую тогда почти не отапливали), добывание пищи, что тоже было нелегкой проблемой. Особенно трудным был последний год, так как вышло постановление, что нас выпускают за четыре года, но по пятилетней программе, да еще кроме госэкзаменов вводится защита дипломных работ.

Казалось бы, для настоящего образования времени очень мало. А между тем, мы много читали, спорили, создавали газеты, около которых толпился весь университет, с увлечением мечтали о своих маленьких открытиях...

Какие профессора нас обучали! Это были ленинградцы, спасенные в блокаду. До сих пор с благоговением помним мы нашего профессора Бориса Павловича Городецкого, известного в стране пушкиниста, лекции которого были не только чудом научного откровения, но и чудом лекторского искусства. Послушать его прибегали студенты всех факультетов. А искрящийся ум, живое трепетное слово Дины Клементьевны Мотольской, ныне одного из авторов учебника по литературе для 8 класса?!

Николай Петрович Обнорский, брат известного лингвиста, академика Сергея Петровича Обнорского, такой же эрудит, полиглот, человек добрейшей души и какой-то особо изящной скромности. Так и представляется его маленькая фигурка, перепоясанная крест-накрест портфелем с книгами, а то и толкающая перед собой тележку с книгами. Книги предназначались для нас...

Это было время, когда дружба завязывалась навек. Наверное, многие бы из нас не перенесли голода, холода общежитских бараков...

Но жили мы коммуной, вместе питались, вместе страдали, вместе радовались, вместе ездили на лесозаготовки, очищали пути на Перми II, чтоб могли пройти эшелоны, по колено в морозной воде вылавливали бревна из Камы, работали в колхозе, словом, вместе переносили то, что определялось одним страшным словом: война!

А День Победы в университете — да это целая эпопея, её не пересказать...

И сейчас мы поддерживаем друг друга, наше содружество крепкое. В далекой Киргизии во Фрунзе — наша гордость Леня Шейман, профессор Лев Аврумович Шейман, автор нескольких учебников по литературе, книг для тех, кто любит литературу. Во Владимире преподает в пединституте Александра Михайловна Вишнякова, ныне Пудкова, любимица студентов, а в Арзамасском пединституте — Екатерина Георгиевна Тунева. В нашем городе остались Франциска Леонтьевна Скитова, Маргарита Александровна Ганина, работающие в университете. Добрым другом для выпускников Пермского речного училища была Клара Максимовна Абрамова, и этот список можно продолжить.

Да, мы были студентами военных лет. Но по-прежнему все, что связано с университетом, для нас дорого, близко священо.

1984 г.

С. Я. Фрадкина

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИЛЬИЧЕ БУКИРЕВЕ...

Когда выпускники университета послевоенных лет собираются на традиционную встречу, в выступлении кого-нибудь из них обязательно прозвучит имя Александра Ильича Букирева. И тут же раздается многоголосое «А помнишь?..» Кто-то вспомнит, как одалживал у Александра Ильича деньги до стипендии, кто-то — как Александр Ильич приходил

А. И. Букирев со студентами университета

«болеть» за университетскую команду на соревнования по шахматам, баскетболу, волейболу («А раз уж в зале сидит Букирев, разобьешься, а отвоюешь городское первенство»), кто-то — как он «влепил выговор» за шумную выпивку в общежитии, а потом, спустя 2 года, поддержал выдвижение «штрафника» на руководящую комсомольскую работу. Любители искусств, вздохнув, вспомнят, что при Александре Ильиче студенческим драмколлективом руководил Марк Захаров (тот самый—ныне главный режиссер прославленного театра «Ленком»), занятия по художественному слову вела Лидия Владимировна Мосолова, ныне— народная артистка СССР, и начинали свой путь струнный оркестр, танцевальная группа, хор, ставший впоследствии «визитной карточкой» университетской самодеятельности, ни одного смотря которой не пропускал Александр Ильич.

Не было тогда, в трудные, голодные и холодные послевоенные годы, ни просторных спортивных площадок, ни благоустроенного, красивого студенческого клуба, ни «высотных» общежитий. Клуб ютился в тесном помещении на первом этаже нынешнего второго корпуса. Там же, недалеко, тоже на первом этаже находилось скромное помещение ректората, а

мансарды учебных корпусов использовались в качестве общежитий. Было, правда, на ул. Ленина, 191 (по нумерации тех лет) общежитие, где на первом этаже жили студенты, а на втором, третьем и четвертом — преподаватели. В дни, когда погода позволяла, они вместе сражались в волейбол на площадке, находившейся рядом с общежитием. Запомнилось, как в университете проходило состязание волейбольных команд, в котором участвовали студенческие команды факультетов и 2 — мужская и женская — преподавательские. Мужская, честь которой защищали С. Владимиров, Ю. Рекка, А. Шершунов, Л. Кертман, И. Новик, И. Севрук, победила студенческие команды всех факультетов, а женская также «дружно» проиграла всем женским студенческим, что немало позабавило присутствующих, и вместе с нами смеялся Александр Ильич.

Доступный и отзывчивый, требовательный и в то же время доброжелательный, он создавал вокруг себя атмосферу, в которой хорошо работалось и легко дышалось.

Студенты тех лет вспоминают, что из университета не хотелось уходить. Они допоздна засиживались в кружках, библиотеке, клубе, выпускали длиннющие стенные газеты, а после 11 часов, когда закрывался читальный зал, нередко начинала звучать музыка, под которую увлеченно танцевали. Новый год, как правило, и студенты, и преподаватели встречали в университете, и начинался он приветственным словом Александра Ильича по университетскому радио. Отношение студентов к своему ректору очень точно выразил выпускник тех лет поэт Владимир Радкевич:

И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Был он чем-то домашний
И не страшный ничуть...

Глядя на этого скромного, мирного, казалось бы, глубоко штатского человека, трудно было представить, что за его плечами участие в сражениях на Халхин-Голе, памятью о которых стал орден Ленина и застрявшая в легком пуля. С ней он уже в первый день Отечественной войны записался в добровольцы, а вслед за ним на университетском митинге 23 июня 1941 г. добровольно шагнули в строй и многие преподаватели и студенты. Учитывая, очевидно, последствия тяжелого, проникающего ранения, А. И. Букиревэ послали в Томскую фронтową школу, но его это не удовлетворило. Рапорт за рапортом с просьбой откомандировать в действующую армию возымели, наконец, действие, и через год Александр Ильич был отправлен на Воронежский фронт, в составе которого воевал до конца войны, закончив ее в звании подполковника. Два мелких, по его определению, ранения не вывели его из строя, а в перерывах между боями он написал книжку о тактике борьбы против немецких танков, которая была взята на вооружение артиллеристами.

Немногие знают, что в вышедшей в 1944 г. в Перми (тогда г. Молотов) книжке «Уральцы в боях за Родину» есть очерк популярного очеркиста и прозаика Геннадия Гора «Майор Букирев». В нем упоминается и о том, как

жена из военной сводки, сообщавшей, сколько танков уничтожила часть Букирева, узнала о его местонахождении и связалась с ним, и о том, как во время форсирования реки пропала его одежда и один из бойцов отдал ему свою (лишь после боя Александр Ильич ощутил, как жмут сапоги), и как восторженно говорили артиллеристы о своем командире: «Так и родился в артиллерийской шинели». «А он был ректором», – заканчивает Г. Гор.

Удивительно скромный человек, Александр Ильич никогда, даже в дружеском застольи, не предавался воспоминаниям о своем фронтовом пути. Если же кто-либо упорно сворачивал разговор на эту тему, он вспоминал людей, с которыми его свела война.

Любовный интерес к людям, доверие к ним, готовность прийти на помощь в трудную минуту были органическим свойством его натуры, которому Александр, Ильич не изменял и в самых трудных, иногда — трагически трудных, обстоятельствах.

О Букиреве — ректоре, организаторе учебного процесса, труда и отдыха студентов, о Букиреве-ученом, увлеченном и преданном ихтиологии, о его таланте руководители и доброте наставника можно прочитать в книге «Первый на Урале», посвященной истории Пермского университета. Там же приводится и упомянутое стихотворение Радкевича, которым поэт откликнулся на присвоение улице, где расположен университет, имени Букирева. Правда, из сборника Радкевича, откуда стихотворение это перепечатано в книгу «Первый на Урале», редакторы вычеркнули проникновенные строки:

В мире цифр отвлеченных
Стужа что ли лютей?
Стало много ученых —
Не хватает людей.

Однако в написанном об Александре Ильиче Букиреве отсутствует аспект, на мой взгляд, очень существенный для понимания его духовного склада и в какой-то мере объясняющий, почему в трудные послевоенные годы университет достиг успехов в научной и учебной работе, позволивших ему войти в первую десятку университетов страны. Я имею в виду ту душевную отвагу, то воистину гражданское мужество, с которым Александр Ильич приглашал на работу и всячески поддерживал ученых, биография которых вызывала тревожную озабоченность спецчасти.

Так было, например, с Г. А. Остроумовым, физиком-экспериментатором, которому за представленную к защите кандидатскую диссертацию Ученый совет Института Физики АН СССР присвоил степень доктора наук. По до этого признания, до успешной работы заведующим кафедрой физики, положившей начало перспективнейшему научному направлению, были годы репрессии, пребывания в лагере, а затем — поселения в Кизеле, откуда и привез его в университет, всячески поддерживая в жизни и работе, Александр Ильич.

За плечами у ученого с мировым именем доктора геолого-географических наук, заведующего кафедрой петрографии П. Н. Чирвинского,

проработавшего в Пермском университете с 1943 по 1953 г. и оставившего неизгладимый след в истории факультета, было обвинение во вредительстве, арест в 1931, а затем — 1937 г. Тува, Беломорканал, ссылка в Хибиногорск. В Пермь он приехал до возвращения с войны А. И. Букирева, но с особым теплом вспоминал всегда внимание к нему и неизменное дружелюбие Александра Ильича. А сколько раз Букирева вызывали в НКВД в связи с Отто Николаевичем Бадером! Сотрудник Института археологии в Москве в довоенные годы, он в 1941 г. пошел в ополчение, но был послан в трудовую армию в Н. Тагил, там и «нашел» его Александр Ильич и привез в Пермь, где он возглавил археологические исследования Прикамья и положил начало школе Пермских археологов. Бадер был немцем и до смерти И. Сталина находился под неусыпным контролем органов НКВД и поэтому был обязан получать у них разрешение на каждый выезд в археологическую экспедицию.

Многим обязан Александру Ильичу и Иван Григорьевич Шапошников. В его военной биографии была роковая для тех лет отметка «плен». И «бдительное» начальство Казанского университета, где он, кандидат наук, доцент, заведовал кафедрой теоретической физики, избавилось от него в 1948 г. (в его отсутствие: он был в длительной командировке в Москве в Институте Физики АН СССР) с уникальной по бессмысленности формулировкой: «Уволить для приведения в соответствие штатов кафедры». А дальше — ставший в годы для многих традиционным путь: открытки в ряд вузов предложение прислать документы и в ответ на них — отказ либо красноречивое молчание. Выручило письмо из Перми от заведующего кафедрой теоретической физики и физики металлов П. Е. Степанова — старого приятеля, коллеги аспирантуре, еще довоенной, — в Институте физики МГУ. «Приезжай,— писал он, — познакомиться с нашим ректором, которому тебя рекомендовал». О беседе с А. И. Букиревым Иван Григорьевич и сейчас, спустя 43 года, рассказывает с улыбкой и волнением. «Мы поговорили, потом он взял в руки мои документы и, когда дошел до сакраментальной строки, я поторопился сказать, что был в плену. Александр Ильич перебил меня, сказав, что этим интересуются другие люди, он же предлагает мне приступить к работе, так как меня рекомендует уважаемый и ценный в ПГУ профессор П. Е. Степанов».

Так начался «пермский период» жизни И. Г. Шапошникова, период, отмеченный защитой докторской диссертаций в 1950 г., созданием проблемной лаборатории радиоспектроскопии» скопии, в которой выросло не одно поколение физиков, признание И. Г. Шапошникова далеко за пределами Советского Союза, участие в международных радиоспектрографических конгрессах, чтение лекций в Албании, Египте, Алжире, работа в исследовательской лаборатории Пермского университета.

На рубеже 1940-х—1950-х годов, отмеченном гонением на «космополитов», в Перми оказался «вышвырнутый» из Москвы и принятый Букиревым известный ученый, талантливый физик-экспериментатор профессор М. И. Корнфельд. Изгнанный из Иванова за «пособничество»

космополитам, доцент В. С. Сорокин к 1951 г., когда его, одаренного физика-теоретика, вместе с женой, тоже физиком, пригласил на работу А. И. Букирев, успел уже получить отказы из 18 вузов.

«Космополит» Л. Е. Кертман, «разоблаченный» и изгнанный из Киевского университета в 1949 г., получил около 60 таких отказов. Когда в министерстве с ним разговорился Александр Ильич и, узнав, что он — кандидат исторических наук, специалист по зарубежной истории нового времени, пригласил его на работу в Пермский университет, первой реакцией было удивление. Оно прошло при более близком знакомстве с Букиревым. Человек этот, конечно же, отдавал себе отчет в том, что он ставит себя под удар. Как вспоминает Александра Прокофьевна Букирева, его не раз вызывали, отчитывали, предупреждали... Да и собственный опыт А. Н. Букирева мог бы продиктовать более «благоразумное» поведение. Когда в 1937 г. молодого доцента Букирева за дружбу с «врагом народа» М. И. Чечулиным, тогда, кажется, секретарем горисполкома, уволили с работы, исключили из партии и вместе с женой выселили из университетского дома, они каждую ночь ждали стука в дверь. Рюкзачок стоял сложенным. Пронесло. Год без работы и вне партии — очень скромная по тем временам плата за верность еще со школьных Лет дружбе. Запомнились, конечно, эти дни и ночи, но «благоразумия» не прибавили.

Беспредельная преданность университету, постоянная озабоченность его будущим питала это жадное стремление собрать специалистов умных, знающих, талантливых. Ведь именно эти качества преподавателей в конечном счете решают судьбу вуза.

Недолгое (год до войны и шесть лет после нее) ректорство Букирева (пуля, все более травмировавшая легкое, вынудила его в 1951 г. оставить этот пост) было временем не только рождения новых факультетов: юридического и технического, но и резкого повышения качества учебной и научной работы, создания ряда очень перспективных, завоевавших союзное, а затем и международное признание научных направлений и школ.

Но моментами мне кажется, что не только забота о качестве университетских кафедр руководила перечисленными — а количество их легко можно увеличить — акциями Александра Ильича. Он, может быть, до конца не отдавая себе в этом отчета, не мог не прийти на помощь гонимым, безвинно преследуемым людям. Я впервые почувствовала это, когда летом 1950 г., после того как Лев Ефимович уже год проработал в Пермском университете, а я, приехав к нему на несколько недель, прочитала спецкурс на историко-филологическом факультете, получила письмо от Александра Ильича, письмо, которое бережно храню. Он приглашал меня на работу в университет, очень по-хорошему приглашал, заботливо вникая во все детали, и рабочие, и бытовые. Предполагая, что меня может смутить переезд с маленькой дочкой из теплого Киева на суровый Урал, он писал, что климат здесь здоровый, и его дочка (ровесница, а потом ближайшая подруга моей) растет здесь вполне благополучно. Он предполагал, что мне не

понравилась обстановка на кафедре литературы (а она действительно в те годы была малоприятной), но отмечал, что это исправимо и он имеет в виду ее изменить. И все это деликатно, тонко, как будто не он делает одолжение «разоблаченной» и изгнанной с работы космополитке, а я своим приездом обогащу Пермский университет. Письмо это особенно глубоко тронуло меня, вероятно, и потому, что был свеж в памяти разговор с другим, более типичным для тех лет, ректором Киевского университета Бондарчуком. Тот втолковывал мне, насколько нелепо подавать документы на конкурс, объявленный на мое же место: «Неужели вы не понимаете, что в Киевском университете должны работать украинские кадры, что на киевских улицах не должны висеть афиши, объявляющие о Вашей лекции о Константине Симонове», и т. д. и т. п.

Глотком свежего воздуха после этой бурно по прошедшей «чистки» вузов от «космополитов» стала работа в Перми, общение со студентами, преподавателями, ректором.

Александр Ильичу в высшей мере было присуще чувство перспективы, он не жил одним лишь сегодняшним днем. Экологические проблемы, которые сегодня у всех на устах, он остро ставил еще в 50-е годы. И если бы к нему больше прислушивались, пермские водоемы не достигли бы такого уровня загрязнения.

Опыт Александра Ильича, к которому, мне думается, следует чаще и вдумчивее обращаться, очень ценен и в борьбе против загрязнения человеческих душ. Уроки его могут помочь сделать наш университет подлинным УНИВЕРСИТЕТОМ, не только дающим сумму знаний, но и прививающим вкус к науке, преданность, избранной профессии, бережное отношение к людям, гуманность и порядочность.

М. Н. Кожина
ЭСКИЗНЫЕ ЗАРИСОВКИ, ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ

У природы нет плохой погоды.
Каждая погода — благодать...

Смысл строк, взятых в качестве эпитафии, применим, думается, и к истории, в том числе к истории университета, его поколений.

Сороковые годы, военные и послевоенные, когда я училась в Пермском университете (1943—1948 гг.) — одни из трудных для нашей страны, моих соотечественников. Ближайшую историю принято красить — особенно в наше время — либо черными, либо розовыми тонами (в зависимости от авторов), но жизнь многогранна и прекрасна, во всяком случае, именно к такой жизни стремится человек. А чтоб узнать историю, надо познакомиться

с жизнедеятельностью и мироощущением, делами и думами, интересами и духовным миром прошедших и уходящих поколений. Это и дает более полное представление о соответствующем времени. И какие бы социальные потрясения ни переживало общество в те или иные годы, жизнь его всегда многоаспектна и поучительна, И тут одной краской не обойтись (хотя это отнюдь не означает запрета на критические оценки). Принимать же историю, очевидно, следует такой, какова она есть, ее не переделаешь.

Конечно, молодость всегда воспринимает жизнь острее, видит ее ярче, светлее, а впоследствии обычно плохое забывается, а хорошее помнится. Но дело тут не только в свойствах самой по себе юности, но и в ее окружении, традициях, во взаимосвязях поколений, в общем настрое общественной жизни.

Вспоминая о студенческих годах, об университете, учителях и сокурсниках, хотелось бы попытаться воссоздать в этих глубоко личных (по в то же время беспристрастных и потому объективных) отдельных весьма эскизных зарисовках некоторые особенно памятные факты, события, штрихи к портретам, царившую тогда я университетской жизни атмосферу, дух времени, мироощущение.

Не буду говорить о трагедиях и тяготах жизни, о чуть Не целом молодом поколении, сраженном войной и пострадавшем от войны, о голодной, холодной и в то же время деятельной жизни в тылу. Об этом написано немало.

Так что же ярче запомнилось? Конечно, многое значительное и, так сказать, глобальное для истории университета и студенчества. Но для воссоздания живой истории, вероятно, полезны конкретные свидетельства современников. Обратимся к фактам, событиям, портретам.

* * *

Ноябрь 1943 г. (я поступила в университет не с начала учебного года, а с опозданием). Во дворе у прежнего химического корпуса знакомлюсь с нашим старостой курса — девушкой небольшого роста с привлекающими внимание глазами и тяжелой до пояса косой — Зоей Власовой (впоследствии доктором наук, ст. науч. сотрудником Института русской литературы АН СССР), которая ведет меня на самую голубятню—в мансарды этого мрачного и холодного готического корпуса, на лестничных клетках которого с непривычки жутковато. Здесь в маленькой комнатке верхнего этажа, где у нас в течение двух лет были занятия по латинскому языку, мне впервые открылся просто поразивший меня мир музыки слова, латинской речи; такой разный: в ясных, четких, лаконичных, чеканных фразах «Записок о галльской войне» Цезаря; эстетически совершенных и торжественных речах Цицерона; полных звуков бушующего моря стихов Вергилия (мы читали соответствующие главы «Энеиды»). Тогда я как-то даже физически ощутила красоту латинской речи. Поняла, что это такое — язык! Латынь для меня до сих пор — само совершенство. Секрет такого

восприятия крылся, конечно и в качествах самого этого древнего языка, но немалая (нет, великая!) заслуга в этом была и преподавателей. Тихого, на редкость скромного и глубоко интеллигентного Николая Петровича Обнорского (работавшего в университете с его основания, брата акад. С. П. Обнорского) и В. Ф. Глушкова. Секрет их обучения заключался не в заучивании со студентами парадигм грамматики и минимума лексики, а в умении преподнести жизнь слова в речи, раскрыть, как мы сейчас говорим, функционально-семантическое богатство языка. Но кроме того, — что особенно важно! — «вплести» изучение языка в мир идей, живых образов, событий, духа Античности. Им — этим истинным мастерам своего дела, а не сухим методистам—легко было этого достигнуть, так как они были настоящими энциклопедистами (а не просто свободно владели языком). И занятия наши шли не по логически отработанной модели. (К сожалению, сейчас латинский язык изучают всего один год). Пожалуй, именно на этих первых лингвистических занятиях у меня зародилось (тогда еще в подсознании), скажем так—функциональное восприятие языка (языка в действии), толкнувшее меня впоследствии заняться изучением именно динамической стороны языка и развивать направление функциональной стилистики.

* * *

Другим толчком к этому была работа под руководством тонкого знатока русского языка, его научной грамматики, методики и стилистики, Ивана Михайловича Захарова, заведующего кафедрой в то время. В университете с кадрами лингвистов тогда были трудности, и Иван Михайлович читал нам, кажется, чуть не все лингвистические дисциплины. Особенно поражали нас, первокурсников, потоки новой интереснейшей информации на лекциях по теоретическому курсу «Введение в языкознание», а позже — синтаксиса, сопровождаемых удивительно яркими и убедительными примерами иллюстрирующими красоту русского языка. Иван Михайлович был удивительный педагог и человек: строгий, требовательный (у него стыдно было не знать материала, схитрить на экзамене), развивающий в нас творческую мысль, и в то же время добрый и внимательный. С лукавым взглядом задает нам, бывало, трудные вопросы и подбадривает ласковым обращением: «Ну, девчурочка!». С дипломниками у него отношения были доверительные, отеческие, мы не раз бывали у него дома, обсуждали научные проблемы. (Иван Михайлович, а также затем перешедшая к нам на кафедру из пединститута Мария Александровна Генкель благословили меня в аспирантуру Института языкознания АН СССР).

Вообще следует отметить, что тогда мы, и все студенты и преподаватели, жили как одна семья; во всяком случае ощущали какую-то общность, действительное единство коллектива университета. Ведущих профессоров

других факультетов знали наперечет; знали, кто чем занимается, какие совершил научные открытия; гордились ими – этой целой плеядой известных профессоров, среди которых упомяну П. Н. Чирвинского, Д. М. Марко, Д. Е. Харитонов, Г. А. Максимовича, А. О. Таусон, Г. Г. Кобяка, А. М. Овеснова, М. Н. Полукарова... Мы говорили о них со студентами других факультетов, черпали информацию о них из стенгазет, весьма тогда популярного «жанра общения». Может быть, с тех пор и зародился у меня интерес к естественным наукам, язык которых, научный стиль стал впоследствии объектом исследования нашей кафедры на многие годы.

Но предметом нашей особой гордости и почитания был ректор тех лет профессор Роман Викторович Мерцлин. Его стройную фигуру с благородной осанкой, красивым, умным лицом истинного интеллигента, можно было нередко увидеть в коридорах университета, когда он беседовал с тем или иным преподавателем, а то и со студентом. Ходил Роман Викторович в то время в ватнике защитного цвета (так как в помещении было холодно, в аудиториях мы сидели в пальто, пальцы рук мерзли), но хорошо сшитом, который ничуть не портил его внешний почти аристократический вид. Потом вернулся с фронта и вновь стал ректором Александр Ильич Букирев, не только известный ученый, хороший организатор, отличный хозяйственник (что тогда было особенно ценно), но и добрейший души человек. Студенты его любили, сочиняли о нем стихи, но не без юмора называли одно из его полезных начинаний – проведение асфальтированной дороги от Перми II до университета – Букиревштрассе.

Лучше других профессоров нефилологов мы знали знаменитого геолога Георгия Алексеевича Максимовича (вначале отчасти потому, что его мать вела у нас польский язык) Дом, где жили Максимовичи и другие преподаватели университета (и в котором мы нередко бывали), – деревянный двухэтажный, стоял на том месте, где сейчас находится первый корпус, точнее его крыло, в котором расположена библиотека. Думается (очевидно, так оно и есть), это Г. А. Максимович – один из самых крупных ученых университета. Так мы, филологи, это воспринимали. А если говорить о человеческих качествах, то столкнувшись с ним как-то по одному делу (Георгий Алексеевич был тогда проректором), я поняла, что это человек чуткий, умеющий помочь делом, поддержать талант и восстановить справедливость, хотя в то же время достаточно ироничный. Коллеги, друзья, его ученики могут сказать о нем больше, но личность — а Г. А. Максимович был Личностью — обнаруживает себя даже в мимолетных контактах.

Кроме того, он был, вероятно, весьма проницательным человеком, хорошо разбирающимся в людях. Вспоминается случай более позднего времени, уже 70-х годов. Сажу я как-то с аспиранткой-первокурсницей на лавочке у нашего ботанического сада, консультирую ее, беседуем оживленно и громко. На соседней лавочке отдыхал Георгий Алексеевич и невольно слышал наш разговор. Когда аспирантка ушла, Георгий Алексеевич дал ей такую точную характеристику, какую я могла бы дать ей лишь к концу

аспирантуры.

Не случайно, что этот ученый оставил на геологическом факультете после себя солидную научную школу, в которой много талантливых профессоров и в то же время личностей.

* * *

В те годы мы, студенты, шли в университет как на праздник новых знаний, творчества, общения и ...искусства. Аудиторных занятий было ежедневно по 8 часов (на I—III курсах; правда, на IV курсе было 1-2 дня для самостоятельной работы, а почти оба семестра V курса отдавались на спецсеминары и диплом). Затем, наскоро проглотив баланду и омлет в студенческой столовой, мы устремлялись в горьковскую библиотеку—наш второй дом — и занимались там до вечера, до закрытия. Чтение, разговоры и споры в коридорах по поводу прочитанного заполняли всю вторую половину дня. Читали много, запоем, взахлеб. Сначала античную, совершенно новую для нас литературу, затем зарубежную, перечитывали и русскую классику.

Помню семинарские занятия по античной и зарубежной литературе, которые, по-моему, блестяще вели у нас пятикурсник Леня Шейман (позднее доцент, гл. редактор журнала одной из среднеазиатских республик, с которым мы потом не раз встречались на Международных конгрессах), а затем выпускница нашего университета Ф. Л. Скитова. Курсовых работ тогда не было, но к семинарским докладам готовились долго и тщательно, отдавая им весь свой ум, душу и сердце. И ужасно волновались перед обсуждением, которое всегда было бурным, творческим, критическим. На всю жизнь остался у меня в памяти доклад по Дантову «Аду», образы героев которого стоят перед глазами как живые. Не случайно, что «Франческа да Римини» Чайковского стала одним из любимых моих произведений этого композитора.

Никакой официальщины в студенческой научной работе не было, и мы шли на заседания кружков толпами. Особенно запомнились (кроме упомянутых обязательных) фактически межкурсовые семинары и кружок по русской литературе пушкинского периода, которыми руководил профессор из Ленинграда Б. П. Городецкий — широко известный пушкинист. На одной из таких встреч выступила с интересным докладом студентка IV курса Неля Гомон (впоследствии доцент Киевского университета), после которого разгорелась оживленная дискуссия, многим хотелось высказаться, а зал (актовый на сто мест!) был полон. Споры продолжались и по окончанию заседания, очень жаркие споры по поводу «Моцарта и Сальери» Пушкина. Высокое творчество владело нашими умами и душами!

Я уже упоминала о стенгазетах. Они были тогда очень популярны, особенно газета филологов. Выпускали ее часто, а ждали нового номера с нетерпением. Выход «в свет» каждого выпуска был большим событием. Особенной любовью и вниманием пользовалась полоса поэзии со стихами

наших замечательных университетских поэтов В. Радкевича, В. Шеншина и других. В первый день выхода газеты к ней было не пробраться из-за толпы студентов. Стихи же затем заучивали, анализировали в перерывах между лекциями.

Вот так и жили — чудесной, кипучей, творческой жизнью!

При этом мы вовсе не были «синими чулками». Вечерами танцевали, обучившись в кружке бальных танцев, в свободное время занимались художественной самодеятельностью. А какие спектакли ставили наш драмкружок, а несколько позже «оперный класс»! «Бесприданница», «Борис Годунов», «Тартюф», «Тень» (Шварца)... и даже оперы — «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка».

Горизонты нашего гуманитарного образования расширялись через многие факультативы, читаемые и иллюстрируемые крупными специалистами, эвакуированными из Ленинграда (из «Русского музея», Ленинградской консерватории, Кировского театра), это — «История русской музыки», «История русской живописи» и др.; они собирали не только всех филологов, но и студентов и преподавателей естественных факультетов. Клуб университета, где проходили эти «мероприятия», был битком забит, подставляли стулья в проходы, толпились в дверях. Интерес, вернее, жажда к духовной культуре были велики!

В то время частыми гостями в городе, выступавшими обычно в библиотеке им. А. М. Горького и в университете, были музыканты с мировым именем, лауреаты многих международных конкурсов, собиравшие полные залы — Д. Ойстрах, Л. Оборин, Э. Гилельс, Я. Флиор, Я. Зак и др. Чтецы — художественное чтение тогда было любимо и почитаемо (кстати, и М. Захаров на лекциях не раз демонстрировал нам свое искусство в этом жанре) — А. Шварц, Э. Каминка, Дм. Журавлев и др.

И мы все это впитывали в себя и обогащались.

При такой динамике и загруженности каждого дня что-то не помнится суеты, нехватки времени. Не припомню и равнодушия в нашей среде. Это уже после, как теперь говорят, в застойный период нас стала заедать текучка, вызванная во многом лавинообразно возрастающим потоком канцелярских бумаг и многочисленных, далеко не всегда нужных) и продуманных официальных мероприятий. Об этом ярко и язвительно говорил на одном из общеуниверситетских собраний проф. В. В. Орлов. Тогда же стали ощутимы в студенческой среде (не у всех и каждого, конечно) иждивенчество, равнодушие, пассивность, склонность к вещизму.

До сих пор вспоминались мне позитивные явления нашей прошлой жизни. Но они сосуществовали и с негативными и даже трагичными (в пределах целой страны). Не мне писать о фактах гонения и уничтожения чуть ли не целого поколения интеллигентов. Они теперь общеизвестны.

Но почему же не прервалась совсем связь поколений, сохранилась духовность (хотя и обнищавшая, но все же не уничтоженная), столь свойственная русской интеллигенции? Одной из причин этого, думается,

была тяга к прекрасному, жажда творчества и... классика в литературе, искусстве — эти вечные, нетленные общечеловеческие ценности, которые и делают человека homo sapiens. Очевидно, классика была, той связующей нитью, через которую передавалась и сохранялась духовность от прежних поколений к нашему. Перефразируя слова Достоевского, можно сказать, что она-то (классика), да еще творческое начало спасли наше общество от полного морального уничтожения. Так что жизнь и история мудры.

Тогда еще не было рок-музыки, «металлистов», «массовой культуры» (хотя, конечно, и здесь есть свои мастера). Мы слушали Бетховена, Моцарта, Шопена, Глинку, Вагнера... Мы были в общем-то романтиками, аскетами, презирающими материальные блага, хотя по убеждениям материалистами. Парадокс? И да и нет. Помню радость, когда вместе с вручением университетского диплома нам выдали талоны на ситец и можно было сшить (кажется, впервые за студенческие годы) новое платье, в котором и пойти на выпускной вечер. Так что если быть самокритичным, то в этом нашем аскетизме были не только плюсы, но и минусы с далеко идущими последствиями (вплоть до некоторых причин наших сегодняшних экономических трудностей).

Каким же будет наш университет в XXI веке? Каким будут его студенты и преподаватели? Ясно одно: это будущее готовится в сегодняшних аудиториях. Какие они, современные студенты? Кому мы отдаем эстафету поколений? Они — в лучшей своей части (например, наши лингвисты II курса), как и мы, тянутся к знаниям, к творчеству, но хотят большей полноты жизни, они более трезвы (этому их научила история), но, к сожалению, пока все еще несколько инертны. А главное, на них большая ответственность; в них наши надежды на лучшее, в их руках будущее страны и нашего университета — тоже.

И. А. Печеркин СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Когда начинаешь вспоминать свою долгую жизнь в Пермском университете (а я впервые пришел сюда в 1946 г.), то наиболее яркие впечатления, конечно, связаны с годами студенчества. Это тем более интересно, что мне пришлось пройти почти по всем ступенькам иерархической лестницы, существующей в университете: студент, лаборант, преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан и проректор по научной работе.

Итак, несколько слов о ранних годах пребывания в университете. Начал учиться со 2-го курса геолого-географического факультета — с ним связана вся моя дальнейшая жизнь. Училось на курсе всего лишь около 20 человек, причем деление шло не по специальностям, как сейчас, а по кафедрам. Таким

образом, на одну кафедру (их было четыре) приходилось 4-5 студентов. Занятия в группе проводились практически индивидуально. Преподаватели знали нас очень хорошо, и экзамен или зачет в значительной степени были формальностью. Нас учили замечательные преподаватели. Кафедрой минералогии заведовал Владимир Константинович Воскресенский, кафедрой палеонтологии и исторической геологии — Николай Павлович Герасимов, кафедрой полезных ископаемых — Юрий Михайлович Абрамович, кафедрой петрографии — Петр Николаевич Чирвинский. Это были прекрасные люди, глубоко преданные своему делу — геологии, любящие студентов (именно так!), понимающие их жизнь и психологию. Они вовлекали студентов в научную работу, поэтому по вечерам в лабораториях и аудиториях долго не гас свет. Поощрялись и самостоятельные занятия студентов научно-исследовательской работой. Наши учителя были близки к нам. Приходили на наши незатейливые вечеринки, смеялись, шутили, танцевали. Все было достаточно просто, а на кафедрах даже как-то по-семейному.

Я специализировался по кафедре динамической геологии и гидрогеологии, которой заведовал профессор Георгий Алексеевич Максимович. Поэтому совершенно естественно, что он мне был ближе всех других преподавателей, стал моим духовным и профессиональным наставником.

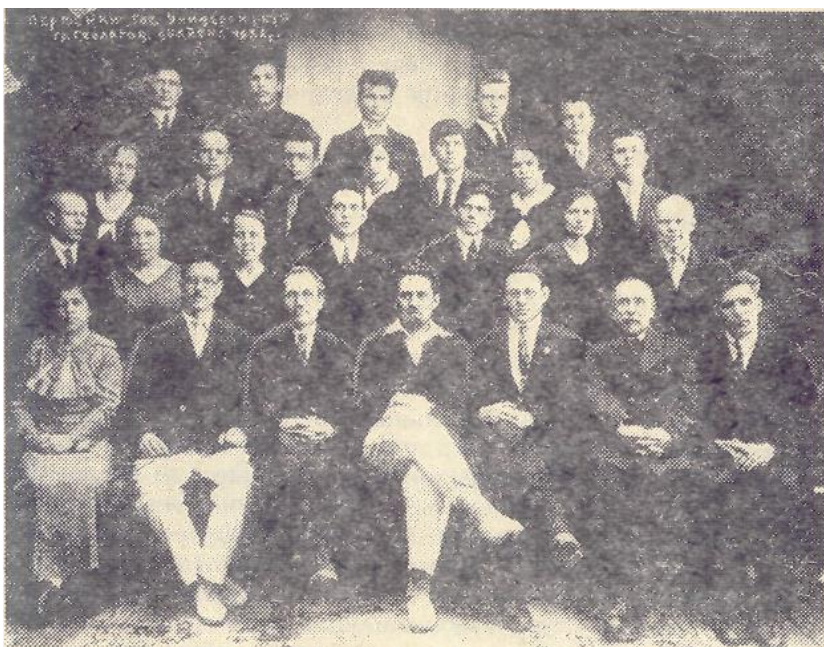
Познакомился я с Георгием Алексеевичем в 1946 г., когда пришел учиться в Пермский университет. Г. Д. Максимович был проректором по научной работе и заведующим кафедрой динамической геологии и гидрогеологии. На геологическом факультете Георгий Алексеевич был, пожалуй, наиболее яркой личностью. Первое, что в нем привлекало, — полнейшее отсутствие формального отношения к делу и своим ученикам. О каждом студенте он знал, казалось, все: и материальное положение, и особенности характера, и интересы. Кроме того, он знал, чего можно ожидать от каждого из нас.

Когда умер мой отец и мама осталась с тремя детьми, ее зарплаты стало не хватать нам на жизнь. Мне оставалось одно: уйти из университета, поступить работать и расстаться с мечтой изучать геологию или отложить ее осуществление на неопределенное время.

Как Георгий Алексеевич узнал о моем положении, ума не приложу. Он подошел ко мне и предложил работу лаборанта на кафедре. Это был наилучший выход; и заработок, хоть небольшой, но появился, и учебу бросать не пришлось. Более того, в лаборатории я имел возможность глубже изучать избранную специальность. Эта работа помогла мне лучше узнать и Георгия Алексеевича.

На становление Г. А. Максимовича, как ученого, большое влияние оказал академик В. И. Вернадский, который по широте своих интересов относился к категории ученых-энциклопедистов. Георгий Алексеевич бережно хранил рукописный отзыв Вернадского на свою диссертацию. Самого Максимовича тоже нельзя назвать узким специалистом в науке.

Группа геологов (1936 г.). В первом ряду 4-й слева —
Г. А. Максимович

У геологии масса ответвлений. Георгий Алексеевич, углубленно изучая одно из них, мог вдруг увлечься другим, на первый взгляд не имеющим непосредственного отношения к основному занятию. Затем он вновь возвращался к прежнему пристрастию, но как бы уже на «новом витке», обогащенный знаниями и опытом.

Кстати, это характерно для всех ученых типа Вернадского. Так, у истоков своего научного пути, в Грозном, Максимович полностью посвятил себя проблемам поиска нефти. Но, познакомившись с геологией Урала, на долгие годы погрузился в изучение карста, создав пермскую школу карстоведов, ставшую затем ведущей в стране. В конце жизненного пути Георгий Алексеевич снова вернулся к изучению нефти, но уже с точки зрения залегания ее в карстовых полостях. Изучение карста было главным делом всей жизни Максимовича, потому что он понимал, насколько важно это для народного хозяйства. Все республиканские и всесоюзные совещания и конференции по карсту были организованы при его непосредственном участии.

Карстоведение как наука окончательно сформировалась в 1947 г., когда в Перми, по инициативе Максимовича, была созвана вторая Всесоюзная конференция по карсту (первая проходила в Кизеле в 1930 г.). На этой конференции были сформулированы основные задачи новой ветви геологии, рекомендовано ввести курс карстоведения в университетах и других вузах страны.

В том же году профессор Максимович впервые начал читать лекции по новому курсу студентам Пермского университета. Впоследствии он создал двухтомную монографию «Основы карстоведения», которая и до сих пор является настольной книгой геологов.

К 1964 г., благодаря усилиям Г. Л. Максимовича, при университете создан

на общественных началах научно-исследовательский институт карстоведения и спелеологии, объединивший многих научных и практических работников самых разных специальностей из многих районов страны, С 1975 г. по решению президиума Географического общества СССР он стал именоваться Всесоюзным институтом карстоведения и спелеологии (ВИКС). С момента создания его возглавлял Максимович, сейчас это поручено мне.

Работы по карсту и спелеологии принесли профессору Максимовичу всемирную славу. Но его научные интересы не ограничивались лишь изученном карста. Георгий Алексеевич— автор учебника по геохимии воды, получившего премию имени Литке. Узкому специалисту создать такое, конечно, невозможно.

Меня всегда поражала его целеустремленность, жесткая самодисциплина. Этого же он требовал и от студентов. Максимович с самого начала хотел воспитать в нас потребность и умение трудиться самостоятельно, с высокой работоспособностью. Он нам внушал, что научный работник не может «ходить на службу» к девяти часам и «отбывать» ее до шести вечера, с часовым перерывом на обед. Его мозг работает круглые сутки, даже во сне или в безмятежные отпускные дни. Даже, как ни странно, в театре во время спектакля происходящее на сцене может помочь непрерывно совершающейся работе мысли, У ученого нет какого-то выключателя, который можно было бы повернуть и на время отдохнуть от умственной деятельности. Только при таком режиме можно добиться интересных результатов в работе.

Я часто бываю на традиционных встречах выпускников университета разных поколений, И вот иногда слышишь от кого-нибудь: приходится заниматься тем-то и тем-то, в университете нас этому не учили. Совсем как в детской песенке: «Это мы не проходили, это нам не задавали». Но ведь вуз, тем более университет, не должен «натаскивать» студентов в каком-то одном заданном направлении. Задача педагогов высшей школы – дать основы знаний фундаментальных и специальных наук, изучить творчески мыслить и работать с литературой. А уж дальше, чем бы ни занимался в пределах своей специальности выпускник, он должен уметь быть самостоятельным.

Георгий Алексеевич научил меня работать с книгой. Сам он читал литературу по особенной, весьма оригинальной системе. В связи с этим вспоминается эпизод, который поначалу покачался мне курьезным.

Как-то мы занимались у него в кабинете за одним столом, напротив друг друга. Вдруг я с удивлением услышал его замечание по только что написанному мной тексту. «Как же вы узнали, о чем я пишу?» — изумленно спросил я. Георгий Алексеевич усмехнулся: «Очень просто. Я свободно читаю вверх ногами». И тут же продемонстрировал мне свое умение. А потом объяснил: «Нередко обложишься книгами и так и этак. Не вставать же каждый раз, чтобы прочитать понадобившийся текст. Вот и читаешь на раскрытых местах, в каком бы положении ни лежала книга».

Книги были для него и потребностью, и страстью. Самая большая комната в квартире Г. А. Максимовича была отведена под его рабочий кабинет-библиотеку. Там были сотни, нет, тысячи книг на многих языках мира, из многих стран.

В высшей степени интеллигентный, наделенный чувством юмора, Максимович любил пошутить и на лекции, и в свободной беседе. Охотно танцевал на наших нечастых вечеринках, не возражал против рюмки хорошего вина, но не стремился ко второй. Общение с ним многому нас научило.

К третьему курсу я вполне утвердился в выборе жизненного пути и научной специальности. В немалой степени этому способствовал профессор Максимович. Но я никогда не работал в «кильватере» у Георгия Алексеевича. У нас было всего две общие статьи.

Кстати, о соавторстве. Иногда говорят: если научная статья, подписана двумя фамилиями и одна из них профессора, а другая, скажем, ассистента, то это значит, что все исследования, на основе которых написана статья, делал ассистент, он же писал и статью, а «шеф» только прочитал ее и поставил свою фамилию.

Георгий Алексеевич никогда не позволял себе такого.

Знаю совершенно непреложно: работать в науке научил меня он. Работать, не считаясь с трудностями, не обращая внимания на житейские неурядицы (а с кем они не случаются?), отмечая все второстепенное. И научил самому важному— критически пересматривать собственные взгляды, не бояться признавать свои ошибки. Без этого нельзя идти вперед.

Ю. М. Речка КАК ЕДИНАЯ СЕМЬЯ

Послевоенное время было не менее трудное, чем военное, многое нужно было восстанавливать, переводить все хозяйство на мирные рельсы, преодолевая голод и недостатки во всем, В такой обстановке приходилось жить и учиться и студентам нашего университета.

Состав студентов был специфическим: демобилизованные войны, те, кто трудился в годы войны в сельском хозяйстве и на производстве, и выпускники 10-х классов. Всех их объединяла тяга к учению, стремление преодолеть послевоенные трудности, поэтому помощь колхозам и совхозам, разгрузка и погрузка грузов, идущих по железной дороге и Каме-реке, были обычным явлением без какого-либо давления со стороны деканов факультетов и ректората. Учебников и учебных пособий было мало, но семинарские занятия проходили очень активно, и порой было удивительно, где и каким образом доставал материал, стремясь выступить на них с чем-то оригинальным, мало кому известным. Так было на историко-филологическом и других факультетах. Студенты, особенно бывшие войны, существенно

влияти на учебный процесс, части добиваясь устранения слабо подготовленных преподавателей. Студенты хорошо знали друг друга и за пределами своего факультета и выступали как единая семья. Мы и учились, и были активны в общественной работе, спорте. В то время университет утверждался в лидерах по многим направлениям студенческой жизни. Большую поддержку, настоящее «боление» оказывали комсомольская организация, возглавляемая Ю. Мельковым (в последующем крупный партийный и советский работник), профсоюзная, руководимая А. Прановичем, и особенно ректор университета Александр Ильич Букирев, которого любили все, особенно фронтовики, и за строгость, и за справедливость, и за доброту. Не было ни одного спортивного поединка, в котором решался спор о первом месте, на котором не побывал бы наш ректор. Когда он в зале, то спортсмены выступали с двойной энергией и, как правило, побеждали.

Хотелось бы сказать и о спортивных «болельщиках», среди которых были Лев Давыдычев и Алексей Домнин (впоследствии писатель и поэт). Особой популярностью пользовалась сборная университета по волейболу, которую тренировал Сергей Викторович Владимиров, а капитаном её многие годы был автор этих воспоминаний. На всех официальных играх нашей команды и в блиц-турнирах в большие праздники, которые проходили в спортивном зале военно-механического техникума — единственном в городе пригодном для таких игр, — собиралось столько «болельщиков», что некоторые располагались на кольцах, шведской стенке, оконных решетках, на спортивной площадке, не давая судье начать встречу. Добиралась студенческая масса туда и обратно часто пешком, так как связь с Мотовилихой (дамбы еще не было) всегда была затруднена. Настроение в команде поднимал неумоно активный, энергичный Владимир Радкевич, который вызывал смех и снимал усталость во время перерывов в играх своими четверостишиями, которые он сочинял в течение 3-4 секунд и отражал в них не только характеристику своего товарища по команде, но и то, что он делает в данный момент. Мы тогда были в восторге от его таланта, но еще не знали, что он станет известным поэтом. В команде того времени играли Л. Коловадский (впоследствии кандидат наук декан факультета пединститута), В. Наконечный (позднее мастер спорта по боксу). Ю. Гаврилов (длительное время один из лучших волейболистов города).

Организации и размаху шахматного движения в университете мы обязаны первому мастеру спорта в Перми Юрию Коткову. Ему удалось очень быстро договориться с ректором А. И. Букиревым об организации в университете первого в Перми шахматного клуба (в нынешней 411 аудитории 2-го корпуса). Несмотря на нехватку денежных средств, все же были приобретены шахматные часы и другой инвентарь, оборудовано помещение, собрана специальная литература. Регулярно стали проходить квалификационные турниры, разыгрываться первенства университета. Прошло немного времени, а университет выступал уже в первенстве города четырьмя командами; «Наука-1» и «Наука-2» играли по 1-й группе, а «Наука-

3» и «Наука-4» — по 2-й. В каждой команде было по 10 мужчин и по 2 женщины. Все команды занимали призовые места, а первая часто за 1-2 тура до конца становилась чемпионом города. Ю. Котков был инициатором встреч с Уральским университетом, команду которого возглавлял гроссмейстер И. Болеславский. Более высокий квалификационный уровень свердловчан обеспечил им победу с небольшим перевесом. Главное же, установилась настоящая дружба шахматистов университетов-соседей.

Встреча сборных команд по шахматам Пермского и Уральского университетов (1949/50 уч. год). В центре И. Болеславский и А. И. Букирев

Ю. Котков после окончания университета был директором школы, преподавателем кафедры математического анализа нашего университета. После переезда в Москву длительное время был тренером женской сборной страны по шахматам. Член команды Г. Хлебутин изобрел электронную шахматную доску, высокую оценку которой дал приезжавший в Пермь чемпион мира Петросян. Членами первой команды были автор этих воспоминаний, чемпион университета 1950 г., и чемпионы университета 1951 г. Г. Жданов и Г. Сойфер — все сотрудники университета в последующее время.

Небольшая по составу кафедра физвоспитания и спорта, возглавляемая В. Михневичем, в составе которой были М. Файнгерц (ныне заслуженный тренер РСФСР по легкой атлетике), Г. Журавлев, Б. Стариков, добилась лидерства университета по многим видам спорта: боксу, баскетболу, легкой атлетике, обеспечивая продуктивные учебные занятия, прививая интерес к спорту и участию в нем широких слоев студенчества.

С. Ф. Николаев
ПРЕДАННОСТЬ НАУКЕ

Почти вся трудовая жизнь Анастасии Оттовны (Оттоновны) Таусон (1890—1953), советского ученого-гидробиолога, прошла в Перми, в стенах Пермского университета.

До приезда в Пермь Анастасия Таусон жила в Москве. Здесь она окончила частную женскую гимназию, с 1909 по 1916 г, училась па естественном отделении физико-математического факультета Московских женских высших курсов. На кафедре зоологии, которой руководил известный ученый-биолог, основоположник отечественной экспериментальной биологии И. К. Кольцов (1872—1940), у курсистки Анастасии зародился интерес к миру бесчисленных беспозвоночных животных, населяющих толщу воды и дно водоемов.

В летнее время она подробно знакомилась с этим удивительным живым миром.

Уже в первый год обучения на женских высших курсах любознательная Анастасия Таусон стала посещать заседания, на которых выступали ученые. В 1909 г. она слушала доклады на состоявшемся в Москве XII съезде естествоиспытателей России.

В 1916 г., по окончании высших курсов, А. О. Таусон была избрана младшим ассистентом кафедры зоологии курсов. В 1917 г. под руководством Н. К. Кольцова она выполнила первую научную работу. А в 1918 г. получила приглашение на работу в Пермский университет. Николай Константинович посоветовал упорной в исследованиях своей ученице ехать на Урал.

В это время па естественном отделении физико-математического факультета Пермского университета кафедру зоологии возглавлял Дмитрий Михайлович Федотов (1888—1972), впоследствии старший зоолог Академии наук СССР. Он создал прекрасный демонстрационный музей,

А. О. Таусон стала работать преподавателем кафедры. Наряду с ведением учебных занятий уделяла большое внимание гидробиологическим исследованиям, В 1921 г. появилась ее научная публикация в «Известиях» Института экспериментальной биологии. В 1922 г. она была избрана научным сотрудником Биологического научно-исследовательского института при Пермском университете. В том же году участвовала в работе съезда зоологов, анатомов и гистологов в Петрограде, где выступила с двумя докладами, в частности, с докладом о влиянии внешних условий на пол у коловратки (червь пресных и солоноватых вод, участвует в «самоочищении вод, служит кормом для рыб). Эта экспериментальная работа получила высокую оценку в научных кругах, В 1925 г. А. О. Таусон участвовала в работе состоявшегося в Москве Международного конгресса лимнологов (озероведов). 1926 г. ознаменовался большим событием в ее жизни; она была избрана доцентом кафедры.

В 1928 г. гидробиолог Таусон ездила в научную командировку в итальянский город Неаполь, на всемирно известную Неаполитанскую морскую биологическую станцию. После этой командировки она развернула гидробиологические исследования на Урале.

А. О. Таусон изучала зоопланктон реки Камы. Обследовала водоемы Магнитостроя как источник водоснабжения создававшегося тогда на Южном Урале Магнитогорского металлургического комбината и бурно росшего города Магнитогорска. Руководила обследованием колхозных прудов во многих районах Урала, в частности в Пермском крае, В гидробиологических исследованиях участвовали сотрудники созданной ею кафедры гидробиологии и студенты-биологи и старших курсов.

В итоге Анастасия Оттовна Таусон — автор 34 научных работ. Одна из них — монография «Водные (гидробиологические) ресурсы Пермской области», изданная в Перми в 1947 г., в которой Таусон особенно подробно остановилась на гидрологии и биологии рек, прудов, и озер края. Привела данные о влиянии промышленных вод предприятий на фауну Камы. Большое внимание охране водоемов от загрязнения уделено в обстоятельной работе А. О. Таусон «Влияние сточных вод и лесосплава на донную фауну рек» (Уч. зап. Перм. ун-та. 1951. Т. 6, вып. 2. С. 27—59; 1955; Т. 7, вып. 3. С. 71-111).

За большой вклад в развитие гидробиологии и подготовку гидробиологов А. О. Таусон была присуждена ученая степень доктора биологических наук.

А. О. Таусон первой из женщин Перми стала доктором наук.

Анастасия Оттовна была предана науке. Гидробиологические исследования явились главным делом ее жизни. Не публикации проникнуты заботой о природе, человеке.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ГЕНКЕЛЬ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, выпускница Пермского университета 1930 г., работала в Пермском педагогическом институте; с 1956 г., доцент кафедры русского языка и общего языкознания, с 1957 по 1970 г. заведовала этой кафедрой, в настоящее время пенсионер.

УСТЮЖАНИН ПЛАТОН ПАВЛОВИЧ (1895-1987), поступил в 1916 г. на медицинское отделение физико-математического факультета Пермского университета, закончил в 1923 г. С 1936 по 1964 г. до вывода на пенсию — главный врач детского санатория «Подснежник».

МОЛОДЦОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (род. в 1899 г.), поступил в 1916 г. вольнослушателем на историко-филологический факультет Пермского университета, с 1920 — полноправный студент, закончил в 1925 г. Вся жизнь — на педагогической работе. В 1959 г.

- присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР»,
- ОРЛОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** (1893-1966), известный ученый, доктор биологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Ленинской премии, академик АН СССР. Приехал в Пермский университет в 1916 г. Начинал ассистентом. Работал до 1924 г.
- ПЕРМЯК ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ** (1902-1980), известный советский писатель, учился в ПГУ в 20-е гг., известен активной общественной деятельностью, организатор живой театрализованной газеты (ЖТГ).
- МИТРОФАНОВА ЮЛИЯ ГЕОРГИЕВНА** (1899-1973), в 1920 г. поступила в университет. С 1931 по 1968 г. до ухода на пенсию ее трудовой путь неразрывно связан с Пермским университетом. Была зав. кафедрой зоологии беспозвоночных.
- ГРЕМНИЦКАЯ Людмила МИХАЙЛОВНА**, выпускница фармацевтического отделения медицинского факультета, поступила в ПГУ в 1925 г.
- НЕКРАСОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА**, доктор химических наук, профессор, кавалер ордена Ленина, выпускница химико-фармацевтического факультета ПГУ. С 1931 г. работала в Крыму, в Симферополе
- ПРОХОРОВА МАРИЯ ИЛЛАРИОНОВНА**, доктор биологических наук, профессор, работала ректором (тогда директором) ПГУ в 1937-1940 гг.
- ЛАПКИН ИВАН ИВАНОВИЧ**, доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, зав. кафедрой органической химии. В Пермском университете с 1930 г.
- РУБИНШТЕЙН ТАМАРА АБРАМОВНА**, заслуженный учитель школы РСФСР, преподаватель средней школы № 7, выпускница историко-филологического факультета 1945 г.
- КОЖИНА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА**, выпускница филфака университета 1946 г., работала лаборантом, преподавателем, с 1971 г. профессор, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания. В 1991 г. присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».
- ФРАДКИНА САРРА ЯКОВЛЕВНА**, выпускница МГУ, в Пермском университете работает с 1949 г., в 1965-1967. 1976-1982 гг. заведовала кафедрой русской и советской литературы, в настоящее время профессор этой кафедры.
- РЕККА ЮРИИ МАКСИМОВИЧ**, выпускник университета 1951 г. (окончил юридический и исторический факультеты), работал проректором Пермского университета, зам. декана истфака, зав. кафедрой истории древнего

мира и средних веков, ныне доцент этой кафедры.
ПЕЧЕРКИН ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ, выпускник (геолого-географического факультета 1950 г. В 1951-1953 гг. работал в геологических партиях, в университете с 1953 г., был деканом геологического факультета, проректором по научной работе, ныне зав. кафедрой инженерной геологии.

НИКОЛАЕВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ, выпускник биологического факультета Пермского университета, краевед.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

История продолжается в нас	3
<i>Генкель М. А.</i> Я благодарна своим учителям	5
<i>Устюжанин П. П.</i> В душе пылал огонь свободы	10
<i>Молодцов В. В.</i> Здесь я принял эстафету, которую несу всю жизнь	13
<i>Орлов Ю. А.</i> Невозвратимое прошлое.	20
<i>Пермяк Е. А.</i> Живая газета	39
<i>Митрофанова Ю. Г.</i> Бесценный вклад в науку	42
<i>Гремницкая Л. М.</i> Пишу о комсомольцах	45
<i>Николаев С. Ф.</i> Любимый профессор	48
<i>Некрасова В. А.</i> Лучшие годы жизни	50
<i>Прохорова М. И.</i> По заданию Наркомпроса РСФСР	51
<i>Лапкин И. И.</i> Война – это и жизнь, и борьба тыла	56
<i>Рубинштейн Т. А.</i> Студенты военных лет	58
<i>Фрадкина С. Я.</i> Воспоминания об Александре Ильиче Букиреве	60
<i>Кожина М. Н.</i> Эскизные зарисовки, штрихи к портретам, размышления	65
<i>Печеркин И. А.</i> Слово об учителе.	71
<i>Рекка Ю. М.</i> Как единая семья.	75
<i>Николаев С. Ф.</i> Преданность науке	78
Коротко об авторах	79

Пермский университет в воспоминаниях современников
Выпуск I

Составитель С Т А Б Р О В С К И Й Александр Сергеевич

Редактор Н. И. Стрекаловская
Технический редактор Л. Г. Подорова
Корректор Е. Е. Покровская

ИБ № 5

Сдано в набор 31.05.91 Подписано в печать 30.06.91

Формат 60X84 1/16

Бум. Тип. № 2 Печать высокая.

Гарнитура литературная. Усл. печ. Л. 5,75 Уч.-изд.

Л. 5,5 Усл. Кр.-отт. 5,75 Тираж 1500 экз. Заказ 260.

Издательство Томского университета. Пермское отделение.
614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского университета. 614600. Пермь,
Ул. Букирева, 15.